

Дарья Корелина

ЕДИНСТВЕННЫЙ
НАСЛЕДНИК,
И ТОТ РАБ.

Дарья Корелина

**Единственный
наследник, и тот раб**

«Автор»

2025

Корелина Д.

Единственный наследник, и тот раб / Д. Корелина — «Автор»,
2025

Милосердный жрец получает приказ императора: вернуть из дальней усадьбы последнего выжившего принца династии. Правда, принц жил все это время как раб. Совсем как раб. А что делать? Стране нужен наследник! Жрец берет в помощники молодого генерала и отправляется в путь. Им предстоит перевоспитать упрямого юнца, не прикончив друг друга, стать друзьями и спасти империю, заодно победив богиню. Что такого? Нормальные будни небожителя.

© Корелина Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Благодарности	6
Предупреждение	7
1. Запасной внук	8
2. Наследник	11
3. Нападение	13
4. Встреча у ручья	15
5. Неправильный постоянный двор	18
6. Откровенный разговор в купальне	21
7. Мудрец, равный небу	24
8. Спасшаяся женщина	28
9. Жрец в кувшине	32
10. Прибытие в столицу	38
11. Покои жреца	42
12. Деревянная спина	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Корелина

Единственный наследник, и тот раб

Дарья Корелина
Единственный наследник,

и тот раб

Дарья Корелина

Единственный наследник,

и тот раб

Благодарности

Огромное спасибо моей старшей дочери за вдохновение и интерес. Я готова писать так же быстро, как ты читаешь, лишь бы ты улыбалась!

Спасибо моей младшей дочери за поддержку. Цмок!

Спасибо Ирине Сон за идею.

Предупреждение

Книга написана исключительно для развлечения. Все совпадения с китайской историей и культурой – случайны.

Образ Сунь-У-Куна и горных троллей позаимствован из м/ф «Король обезьян» 2015 года.

Образ мудрого и всемогущего Восточного Будды – из древнекитайского эпоса «Путешествие на Запад». Он тоже о Сунь-У-Куне, читайте и наслаждайтесь. Там 4 тома.

Зеленая одежда и коса жрецов – честно взято у Мосян Тунсю, из «Благословения небожителей».

Идея наследника, который оказался рабом, – из романа Ирины Сон «Небо примет лучших», но не из финала, там был мальчик позадиристей главного героя. Вот он и прототип Аня.

Имя Ань Чжэ – это имя главного героя из книги «Маленький гриб». Поскольку оно подходит моему Аню и упоминается здесь всего один раз, то я сочла допустимым его оставить.

Всё. Легкого чтения!

1. Запасной внук

Траур продолжался во дворце и в сердце императора, каждую ночь повелитель видел сон, как отрок, его единственный наследник, пробуждается от глубокого сна. Каждое новое пробуждение было невыносимее предыдущего. Придворные, горевавшие поначалу вместе со своим повелителем, начали обеспокоенно шептаться. Каждый спрашивал себя: «Что будет с двором и со страной, если император не отойдет от скорби и не вернется к правлению?» Иные генералы полагали, что следует, выдав замуж, возвести на престол одну из пятерых принцесс. Однако никто не решался высказать свои идеи вслух и, тем более, предложить его величеству.

В этой ситуации, когда империя застыла в ожидании и прежние порядки покрывались тленом, готовые разрушиться, один человек сохранил хладнокровие. Уже месяц, как он подал прошение на аудиенцию у императора и терпеливо ждал своей очереди. Наконец, повелитель решил переговорить с ним, правда не для того, чтобы выслушать его просьбы, а чтобы еще раз спросить: правда ли, что наследник престола умер и нет силы, которая могла бы вернуть его?

– Ваше величество, я знаю, что вы уже спрашивали об этом главного лекаря и верховного жреца. Я тот, кто провожает усопших в последний путь...

– Я слышал о тебе много хорошего, – перебил император. – Ты не ищешь богатства или власти. – Жрец почтительно кивнул, отметив про себя, что вполне доволен своим богатством и уважением окружающих. – Ты честен и редко открываешь рот, потому что редко кому нужна правда. – Жрец снова почтительно кивнул, нагнув голову ниже, чем в первый раз. – Поэтому я решил спросить тебя.

– Ваше величество, я не в силах вернуть к жизни этого принца, но я знаю, что у вас есть еще один внук.

– Кто-то из моих беспутных дочерей зачал внебрачное дитя?!

– Ваше величество, я говорю о сыне вашего второго сына.

Император задрожал, и жрец забеспокоился, не хватит ли удар старика, все-таки слишком много горя свалилось на него под конец жизни. Однако его величество не разрыдался, а расхохотался. Он хохотал до слез, и жрец настоял, чтобы император выпил чай из шалфея с лавандой. Чрезмерное веселье может погубить не только тело, но и репутацию.

– Я понял, ты шутишь. Ты тревожишься за меня, потому что я сильно горюю об утрате. Ты прав. В своем горе я забыл о дворе и почти перестал править. Ты достойный жрец... Какому богу ты служишь, а?

– Восточному дракону, мудрому, но строгому хранителю рассветных лучей. Он исполняет желания, но крайне требователен к чистоте помыслов и отваге в сердце.

– Ну, что же. Ты проявил отвагу. И рассмешил меня. За это...

– Я не шутил, ваше величество. Но если таково ваше желание, пусть это останется шуткой.

– Мой второй сын был ветреным. Он одарил вниманием всех служанок и рабынь в замке. Но госпожа Фа следила за тем, чтобы ни одна из них не зачала нежелательный плод. Так... – Император подпер подбородок кулаком и молчал некоторое время. Когда император заговорил, его голос был ровным, будто напился силой, блуждая на лугах невозвратного прошлого. – Он редко бывал в разъездах в силу юного возраста и из-за того, что я боялся, чтобы он не повторил судьбу старшего брата. Но все-таки он должен был ездить по стране и учиться тому, как живут люди и в чем их чаяния. Так он соблазнил какую-то благородную девушку?

Жрец неловко отвел взгляд, поправил косу и откашлялся. Император заметил его замешательство и потребовал объяснений.

– Мне придется начать за год до интересующих нас событий. В столице была семья чиновника Ли, однако Ли рано скончался, как и его жена. Осталась дочь, о которой некому было

позаботиться, поскольку ее не успели сосватать. Все имущество Ли перешло к императорскому двору, а юная дочь стала рабыней во дворце. Ее приблизила к себе госпожа-невестка вашего величества.

– К чему ты клонишь? – недоверчиво спросил император.

– Второму принцу приглянулась новая рабыня, однако та оказалась не только чистоплотной, но также гордой и умной. Она умело избегала принца, а госпожа-невестка оказывала ей защиту и покровительство.

– Так откуда же взялся ребенок?! Он был?

– Вы хорошо помните характер второго принца, ваше величество. Чем успешнее рабыня избегала его, тем сильнее он привязывался к ней. В конце концов это стало известно, и вы приказали мне и одному солдату отвезти рабыню в дальнюю усадьбу. Несколько недель после этого второй принц пребывал в ссоре с вами.

– Что-то такое я припоминаю... – Император нахмурился и выпил еще чая, затем в глубокой задумчивости прошелся по зале. – Так у той рабыни родился ребенок?

– Ее положение обнаружило себя во время дороги. Сперва я подумал, что дело в плохой пище. Однако подобного рода недомогание не длится дольше трех дней. Я приступил к девушке с расспросами, и она призналась, что полюбила принца, и несколько раз они проводили ночь вместе.

– Негодница!

– Ваше величество, я тут же вспомнил, что последние два месяца второй принц лучше учился, меньше донимал девушек во дворце, а кроме того, умирал свой характер. Подобное возможно лишь под влиянием сильного чувства.

– Хочешь сказать, эта рабыня хорошо влияла на его характер?

– Видимо, да. Ведь до того, как стать рабыней, она была девушкой из достойной семьи.

– Откуда мне знать, что это не твой ребенок?

– Я жрец, ваше величество. Я обязан соблюдать чистоту своего тела.

– Там был еще этот солдат!

– Этот солдат, ваше величество, оказался мужеложцем. Он ни разу даже не взглянул на рабыню. Мне пришлось оберегать свою чистоту еженощно! На обратном пути мы ехали розно.

Император отослал жреца и несколько дней пребывал в тяжелых размышлениях. С одной стороны, судьба дарила ему внука, рожденного от одного из любимых сыновей. Однако с другой стороны, это был незаконнорожденный сын от рабыни, и никто не знает, как он воспитан и занимался ли кто-нибудь его воспитанием. Нельзя возвести на престол невежду.

Размышляя, его величество призвал к ответу госпожу Фа, управляющую всеми девушками во дворце. Она вспомнила рабыню, особенно потому, что была оштрафована из-за нее на огромную сумму и наказана пятью ударами веера по пяткам.

– Такого унижения я потерпела из-за этой мерзавки! – прошипела госпожа Фа и тут же покорно склонила голову перед императором. – Но у меня и в мыслях не было, что все зашло так далеко! Ваше величество, я уже понесла наказание...

– Я не намерен тебя наказывать, госпожа Фа. Я хочу знать, возможно ли, чтобы та рабыня зачала дитя от моего второго сына?

Госпожа Фа задрожала, понимая к чему клонит император, и стала ползать в ногах повелителя, умоляя обратить внимание на своих дочерей.

– Я не отдам власть ни одной из них. – Император сурово оборвал причитания госпожи Фа. – Можешь так и передать любой из своих покровительниц. Они склочны и не дружны между собой. Если одна из них получит власть, что остальные сочтут себя уязвленными, и после моей смерти страна погрязнет в междоусобных войнах. Ступай, госпожа Фа, и будь готова исполнять свой долг перед твоим истинным повелителем. Иначе пять ударов веером покажут тебе нежным шепотом ветра.

Подобрав юбки и дрожа, госпожа Фа удалилась.

2. Наследник

После долгого и тяжелого путешествия повозка с красными кистями, запряженная двумя белыми меринами и охраняемая пятью солдатами во главе с молодым и пока никому не известным генералом, подъехала к воротам дальней усадьбы императора. Управляющий, господин Хо с большими почестями принял гостей. На второй день, с утра жрец приступил к своему заданию. Прежде всего, он напомнил господину Хо, что в письмах навел справки о рабыне, прибывшей пятнадцать лет назад. Жрец предоставил ее словесное описание и имя, под которым девушка была записала в усадьбе.

Господин Хо заметно смутился и попытался перевести тему:

– Вы выглядите крайне утомленным, ваши покои не подходят вам?

– Они слишком близко к генеральским, и я не могу спокойно уснуть.

– Отчего же?

– Потому что язык генерала мешает.

– Ох, он говорит во сне...

– Лезет... – раздраженно начал жрец и тут же оборвал себя, однако господин Хо не выказал ни шока, ни осуждения в сторону молодого Дун Янгхао. Напротив, Хо поклонился и мягко проговорил:

– С вашего позволения, при вашей внешности и проведя с вами, вдали от женщин столько времени, любой мужчина дрогнул бы сердцем.

– У меня заурядная внешность, – заявил жрец и посмотрел осуждающе. – К тому же я не молод, и я жрец! Дело не может быть во мне. Распорядитесь постелить мне подальше от генерала.

– Как пожелаете, достопочтенный жрец.

Раздосадованный, жрец вышел от господина Хо, так и не узнав о рабыне и ее отпрыске. Он опомнился, когда прошел половину коридора, и счел унизительным возвращаться. Разговор был отложен еще на день.

Утром жрец был в прекрасном настроении, поскольку выспался и хорошо позавтракал. Он даже начал думать, что молодой генерал не такой уж скверный, просто горяч и кровь его требует ответа от кого угодно, любого пола, а растрчивать пыл на подчиненных – недостойно аристократа. Списав все на обстоятельства, жрец встретился с генералом во дворике под персиковым деревом и предложил вместе подняться к управляющему усадьбой.

Господин Хо встретил их с почтением и сразу поинтересовался о распоряжении императора, которое прибыло вместе с повозкой с красными кистями.

– Каковы приказания его величества?

– Мы должны привезти во дворец сына, которого родила та самая рабыня, о которой я вчера вас спрашивал, – ответил жрец. – Где он?

– Он?.. Но... То есть. Воля его величества. Этот... мальчик... Вы видели его при входе.

Жрец и генерал взглянули друг на друга, потом обернулись на двери: створки оставались открытыми, чтобы утренний ветерок проникал в покои, но на лестнице и крыльце было пусто.

– Там кто-то был? – уточнил генерал.

– Он подметал ступени перед вами.

Жрец и генерал снова обменялись недоуменными взглядами. Разве могли два сановника, один молодой, другой опытный, не разглядеть человека на лестнице? «Неужели отпрыск императорской династии полностью лишен божественного благословения и царственного сияния?» – обеспокоился жрец. И тут же велел позвать мальчика. Господин Хо передал приказ и попросил разрешения спросить, получив же согласие, низко поклонился:

– Могу ли я узнать, для какой надобности его величеству, нужен сей... мальчик?

– Во дворце траур, разве вы не знаете? Умер внук его величества. Этот мальчик был зачат в то же время, и рабыня – собственность императора. Поэтому мальчик станет утешением для вдовствующей невестки.

Услышав это, господин Хо заметно помрачнел и даже немного отодвинулся от молодого генерала. Как раз в это время двое слуг втащили брыкающегося и кричащего дикаря в грязных лохмотьях и с такими спутанными волосами, что их можно было принять за шерсть.

– Так это не собака?! – охнул генерал и брезгливо попятился. Жрец сглотнул. Мальчика-собаку бросили, он проскользил по полу до сандалий жреца.

– Я ничего не сделал, господин!

«По крайней мере, он умеет разговаривать».

– Встань и посмотри мне в лицо.

Мальчик распрямился, но подбородок держал опущенным. Спина его была круглой, почти горбатой, плечи – сутулыми и натруженными тяжелой работой, руки – мозолистыми, грязными и покрытыми царапинами и грязью, про волосы вообще было лучше не думать, как и про запах.

– Почему вы содержите императорского раба в таком виде?! – возмутился генерал, переборов отвращение.

– Несмотря на то, что он раб, он крайне упрямый и непослушный, к тому же ленивый и наглый. Он выполняет самую черную работу. Но и для этого он не годится. Нам приходится регулярно пороть его. – На этих словах жрец сжал губы, но никто этого не заметил. – А однажды он выкрал у моего секретаря тушь и пробовал писать! Пришлось переломать ему пальцы!

– Вы переломали!..

Жрец побледнел и зажал рот ладонью, чтобы не выдать тайну происхождения мальчика. Господин Хо понял, что перестарался с описанием и что император будет в гневе, если узнает, что его собственность повреждена.

– Я хотел, но сжалился над его бедной сумасшедшей матерью. Его высекли...

– Вытяти руки, – приказал жрец мальчику и внимательно осмотрел и ощупал каждый сустав. К счастью, кроме грязи, царапин и воспаленных заусенцев, повреждений не было. Пальцы при этом были натруженными, но длинными и красивыми, как и ожидается от потомка благородной династии.

– Не уверен, что он может стать утешением, – подал голос генерал. – Скорее, утешением.

– Вы еще удивитесь, генерал, на что способен этот юноша. Но ради его безопасности, – жрец многозначительно посмотрел на генерала, – я не стану отмывать его, пока мы не доедем до дворца. Как твое имя, отрок?

– Последний раб, – пробормотал мальчик.

– Нет. Какое имя тебе дала мать?

– Ань Чжэ.

– Все дело в иероглифе Чжэ. Астролог подберет тебе более подходящее имя. А пока собирайся, Ань, ты поедешь в императорский дворец.

– Чего? Еще больше лестниц скрести?!

Жрец и генерал безнадежно покачали головами. Однако еще оставалась надежда, что юноша сохранил способность к обучению, и удастся превратить уродливого невежду в красивого принца.

3. Нападение

Ночью жрец снова не смог выспаться: генерал разузнал, где его покои. Отбившись от слишком физических комплиментов, жрец заявил, что утром отправится в обратный путь без солдат, взяв только повозку, меринов и Аня. Генерал сначала рассмеялся. Поняв же, что жрец настроен решительно, стал его отговаривать, однако слова уже не могли подействовать. Утром, убедившись, что запасов еды и воды достаточно, жрец усадил раба в дальний угол повозки, вспрыгнул на облучок и шелкнул хлыстом. Мерены послушно пошли, генерал ухмыльнулся.

– Генерал, мы разрешим им уехать без охраны? Там же императорская собственность.

– Мы поедем чуть поодаль, – ответил генерал своему подчиненному. – На первом же разбойничьем разъезде они пожалеют, что оставили нас позади. Упрямый фазан!

Солдаты потупились, чтобы скрыть усмешки: длинная коса и зеленая одежда и вправду делали жреца похожим на царственную птицу. А раба можно было сравнить с собачонкой, заблудившейся в лесу и чудом выжившей.

Между тем Ань недолго сидел в повозке и на ходу перебрался к жрецу на облучок, чем напугал его до крайней степени. На увещевания Ань только отозвался:

– Да не такая уж я большая ценность.

Жрец стал объяснять Аню его будущую роль при дворе. Мальчик слушал, не понимая, много раз уточнял слова жреца. В конце концов, он уяснил, что теперь его жизнь – большая ценность. И что задачей его будет радовать глаз родственницы императора.

– Придется тебя хорошо обучить и исправить твою спину и плечи. Сейчас ты кажешься горбуном.

– Таким уж я уродился.

– Ерунда. Я разомну твою спину массажем и иглоукалыванием, а также ароматными банями. Затем надену на тебя корсет, и день за днем ты привыкнешь держать спину прямо, а плечи расправленными.

Ань представил все эти процедуры и попросился назад, обещая мыть полы тщательнее и больше не задираť подолы служанкам. «Некоторые замашки передаются по наследству», – ворчливо подумал жрец, однако вскоре забыл и думать о дурных наклонностях принца-раба.

Дорогу перегородила старая телега. Жрец попробовал развернуть повозку, но было слишком узко. Из кустов выскочили десять разбойников, вооруженных кольями и ножами. Жрец приказал Аню лезть на крышу, а сам прыгнул в повозку и выскочил с задней части через окошко. Мужчина более плотной комплекции застрял бы, но жрец проскользнул, потеряв всего несколько амулетов и бутыль с водой. Из повозки он появился, держа в руках длинную бамбуковую палку.

– А ну, стоять! Если тронете повозку, вам не вымолить прощения на суде!

Разбойники привыкли слышать подобные угрозы, а жрецы с палками встречались им редко. Они переглянулись и набросились одновременно. Жрец успел только крикнуть Аню:

– Беги! Ты важнее!

Ань длинным прыжком соскочил с крыши и запетлял между кустами. За ним погнались двое, но скоро потеряли из виду. Рванина и спутанные волосы делали мальчика почти невидимым на фоне веток, а убегать и прятаться ему было не впервой.

Разбойники вернулись к повозке. Там им предстало удивительное зрелище. Жрец отбивался от нападавших с яростью тигра. Трое разбойников лежали на земле: двое из них – со сломанной рукой, один – без чувств.

Пятеро оставшихся, однако, смогли одолеть жреца, связали и бросили под колеса телеги, после чего принялись за повозку. Обилие еды привело их в восторг, однако вскоре обнаружилось, что больше у путников взять нечего.

– Почему они нищие, если у них красные кисти? – спросил один из разбойников у своего предводителя.

– Откуда я знаю.

Предводитель выволок жреца, поднял в воздух одной рукой и потребовал:

– А ну, выкладывай, где золото!

Жрец помотал головой – тут же получил тяжелую пощечину, так что на губах показалась кровь, но снова отказался говорить.

– Нет тут никаких тайников. Какие были, я все нашел, – сказал еще один разбойник, выбираясь из повозки с прыгивая на землю.

Разозленный, предводитель швырнул на землю жреца и занес ногу, чтобы отвесить пинка, но жрец откатился и плюнул кровью – все вокруг озарилось нестерпимым светом. Разбойники закричали, схватившись за глаза, а жрец закатился под повозку, выбрался с другой стороны, вскочил и бросился в лес. На бегу он еще раз плюнул кровью – на этот раз на веревку, и она зашипела, распадаясь. Жрец побежал быстрее.

Разбойники продолжали кричать и натекать друг на друга, ослепленные светом. Когда свет исчез, на них обрушились мечи. Генерал со своими людьми никого не оставили в живых.

Позже, прикладывая компрессы к синякам жреца, генерал спросил:

– Это ты вызвал свет?

– Амулет Восточного дракона.

– Почему ты сразу его не использовал?

– Их мало, и все работают от моей крови. И мне нужно было потянуть время, чтобы Ань убежал подальше.

– Ты действительно храбрый, – признал генерал. – И глупый! Мы могли защитить тебя. А теперь ты избит. И мы не знаем, где этот мальчишка.

– Если сердце его настолько черство, что он не вернется проверить своего спасителя, то он не годится в придворные, – философски заключил жрец и прикрыл глаза, давая понять, что хочет отдохнуть. Генерал с досадой бросил компресс в ведро с водой и пошел узнавать, в каком состоянии повозка и лошади и приготовлен ли ужин.

4. Встреча у ручья

Ань бежал и бежал, петляя и путая следы, пока не убедился, что погоня отстала. Тогда он спрятался за деревом и отдышался. Возвращаться в дальнюю усадьбу императора он не хотел. Там была его мать, но она была так прочно запечатана в своей скорби, что была как чужая. Самому добраться до столицы казалось безумием, да и вряд ли его там ждут на самом деле. К тому же, Ань чувствовал, что будет неправильно бросить жреца, который отдал за него свою свободу.

Ань решил дожидаться ночи и вернуться к повозке, а пока – прогуляться и поискать воды. Так он и сделал, и шел довольно долго, глядя на деревья и травы. Вскоре он услышал журчание ручья, позже под ногами стал попадаться шалфей, и через некоторое время Ань вышел на берег. Напился вволю и стал разглядывать свое отражение. Лохматый и грязный мальчишка, глядевший на него, никак не мог быть утешением родственницы императора. Он годился только на то, чтобы есть отбросы и задираť служанок за то, что они не обращают на него внимания. Ань зло ударил по ручью и решил больше никогда не смотреть на себя. Он нарвал травы, устроил себе лежанку под сухим кустом и крепко заснул.

Разбудило его мерцание, которое шло не понятно откуда. Ань вздрогнул, решив, что начался пожар, и хотел бежать в закут, к матери, но тут же сообразил, что находится в лесу, а свет — холодный и бледный, не как от огня. Ань спрятался за деревом и поискал взглядом источник света. Оказалось, что мерцание поднимается от ручья, и вместе с ним — полупрозрачные образы животных и насекомых. А вот широко шагнул один из разбойников, напавших на повозку. Затем из ручья поднялся юноша. Его длинные шелковистые волосы были собраны в высокий пучок с маленькой короной, и один локон отливал золотом, а одежда была такой утонченной и дорогой, что даже управляющий усадьбой позеленел бы от зависти. Призрак юноши кого-то напомнил Аню, но он был уверен, что в жизни не встречал никого, такого богатого и прекрасного. Между тем, юноша подошел к кусту, где недавно лежал Ань, и расположился на траве, заложив руку под голову и задумчиво глядя на звезды. Так они замерли: красивый юноша на траве и Ань за деревом, — и неизвестно сколько времени прошло, пока Ань заметил, что луна того и гляди дойдет до зенита. Он оторвал взгляд от призрака и, пользуясь сиянием ручья, пошел туда, где оставил разбойников и жреца.

Мерцание поблекло, и дальше нужно было идти на ошупь. Ань часто останавливался и прислушивался, но вокруг было тихо. Он подумал сориентироваться по звездам, но их не было видно за кронами деревьев. Тогда он полез на одно и увидел впереди слабый свет. Обрадовавшись, что нашел лагерь разбойников, Ань ускорил шаг и через два часа вышел к тому же ручью.

Юноша стоял, скрестив руки на груди и печально глядя на восток. Ань понял, что призраки не хотят его отпускать: он либо должен умереть здесь, либо заговорить с ними. Мальчик подошел к юноше и поклонился. Но остался незамечен. Напрасно подождав и еще раз поклонившись, Ань позвал:

— Господин.

Юноша обернулся с видом крайнего удивления:

— Ты?? Я уже и забыл, каким отвратительным ты был!

— Ваша правда, господин, я само воплощение отвратительности. Если бы собрали всё самое отвратительное в мире и сложили бы в одну кучу, то и тогда бы впечатление не было бы таким отвратительным, как от меня.

— Зачем ты пришел? Напомнить мне, кто я такой на самом деле?

— Что вы, господин. Я вовсе не пришел. Я как раз хотел бы уйти. Если вы не против, конечно.

— Куда ты пойдешь?

– Там... Там, господин, там один жрец, он очень помог мне. И он первый человек, который был со мной добрым и который видел меня, понимаете. Я... Он в беде. Я думаю, надо его спасти от разбойников.

Юноша нахмурился, как будто что-то вспоминая, потом покачал головой:

– Тебе не нужно туда идти.

– Но...

– Сиди здесь, на дереве. Утром всё поймешь.

– Вы меня не отпустите, да?

– Разве тебе мало моей воли? Сиди на дереве до утра. Ты слишком глуп, чтобы я тебе что-то мог объяснить. Просто сиди и всё. Иначе твой жрец умрет, – добавил юноша, подумав.

Ань расплакался и стал умолять призрака отпустить его, просил прощения за то, что удалил светлые волны, и обещал больше никогда не относиться к ручьям и рекам без глубочайшего почтения. Однако призрак был неумолим и раз за разом требовал, чтобы Ань залез на дерево. Под конец молодой господин достал меч, металл совсем не по-призрачному сверкнул, и Ань опрометью бросился на дерево. Не помня, как забрался, мальчик уселся в развилке двух стволов и замер. Юноша-призрак убрал меч и снова задумчиво повернулся к востоку.

Через некоторое время послышались шаги и голоса: кто-то приближался и знал лес так хорошо, что мог ходить ночью.

– Теперь уже не до них.

– Бедный наш главарь. Он был таким толковым. Куда мы теперь подадимся?

– Сколотим свою шайку. Чай, я не глупее этого Бо буду.

– Да о чем ты говоришь? Бо был умнее тебя. А вот и его настигла смерть.

– Был бы он умным, не стал бы трогать повозку с красными кистями. Ясно же, что императорское имущество охраняется как следует.

– Так не было же никого!

– А теперь эти никого нарубили всех, как капусту, и Бо с его умной головой тоже.

Выйдя к ручью, разбойники остановились как вкопанные, глядя на юношу. Тот спокойно продемонстрировал меч, и мужчины, низко кланяясь и извиняясь, пошли вбок, а там опрометью бросились бежать – послышались шлепки по воде, вскрик, второй, звук падения в воду. Очевидно, они оступились с брода и пошли ко дну. Ань сидел на дереве, дрожа от страха и стуча зубами. Юноша-призрак взглянул на него, усмехнулся и медленно вошел в воду. На востоке блеснул первый луч солнца. Ань зажмурился, а когда открыл глаза, ни сияния, ни призрака не было, а лес был сырым и самым обычным. Мальчик попытался слезть с дерева, но руки и ноги затекли, и он понял, что застрял. В это время внизу снова послышались голоса.

– Почему ты думаешь, что он пошел в эту сторону?

– Потому что я вижу следы.

– Это невозможно назвать следами. И вообще, откуда жрец умеет идти по следу?

– Люди редко рождаются жрецами.

Ань узнал голоса, расплакался от радости и закричал:

– Я здесь! Я здесь! Помогите мне спуститься! Я застрял! Помогите!

На несколько секунд он испугался, что его опять не заметят, но генерал и жрец, который выглядел очень больным и сильно избитым, остановились и подняли головы. По приказу генерала солдаты растянули плащ, и Ань упал в него.

– Хорошо, что ты забрался на дерево, – сказал жрец, присаживаясь рядом с мальчиком, завернутым в плащ как в кокон. – За тобой шли два разбойника.

– Я видел их. Они упали в ручей и утонули.

– Тебе повезло.

– Нет. Меня предупредил призрак.

Жрец приложил тыльную сторону ладони ко лбу Аня, но рука была забинтована и не могла почувствовать жар, жрец вздохнул и приложил ко лбу мальчика губы. Жара не было. Жрец стал осматривать зрачки, считать пульс, но Ань выбрался из плаща и вскочил на ноги.

– Почему вы меня-то ощупываете? Это же вы ранены! Генерал! Жрец, он.. Генерал?

– Ага. Рад, что ты меня заметил.

Ань смутился и низко поклонился.

– Вам обоим повезло, что у меня голова работает. Я, конечно, не отпустил вас одних и следовал на некотором отдалении. С разбойниками покончено, и мы можем продолжить путь.

– Хорошо, – согласился жрец и тоже встал. – Но держите свои комплименты при себе. Я вам не простой человек. Я жрец.

– Как скажешь, – буркнул генерал. – Но ты только что целовал этого парня.

– Я проверял, нет ли у него жара, деревенщина.

Жрец отбросил косу на спину и пошел от ручья. Походка его была не совсем твердой после пережитого, и все же в ней были гордость и независимость. Ань покосился на генерала и припустил за жрецом.

5. Неправильный постоянный двор

Когда добрались до повозки, генерал настоял, чтобы жрец не пытался сидеть, а лег на подушки и отдыхал. Ань получил свой завтрак из лепешки, яблока и одного куска мяса. Мальчик не сразу решился принять такую богатую трапезу и начал есть, только когда жрец утешил его:

– Это жалкие объедки с генеральского завтрака, поэтому не волнуйся и ешь.

На сражение с разбойниками и поиски Аня ушло некоторое время, и теперь генерал торопился, чтобы успеть доехать до постоянного двора к ночи. Однако солнце неумолимо двигалось по небосводу, надвигался вечер, а города всё ещё не было видно. Между тем, побои терзали тело жреца, он то и дело впадал в дрему, лицо его покраснелось, и Ань, не касаясь кожи, догадался, что у его благодетеля поднялся жар. Мальчик хотел уже окликнуть генерала, когда повозка резко остановилась. Жрец открыл глаза и поднял занавеску на окне:

– Что случилось?

– Скоро вечер, – отозвался генерал и подъехал ближе. – Мы не успеваем добраться до города. Но там неподалеку я вижу что-то вроде постоянного двора. Я не помню, проезжали мы ее на пути в усадьбу или нет. Но до нее не больше часа езды, и мы могли бы заночевать там.

Жрец выглянул в другое окно и долго рассматривал темное здание среди складок земли и высоких трав. Наконец, он высказал свои опасения:

– Я не вижу дыма, генерал, а еду на постоянном дворе должны готовить. Также я не понимаю, почему бы постоянному двору быть так далеко от главной дороги.

– Там есть еще одна, старая дорога, – объяснил генерал и показал на карте. – До того, как император обустроил здесь свою усадьбу, люди ездили по той дороге. А дыма нет – это понятно. Наверняка, у них мало посетителей, и они еле сводят концы с концами. Ты выглядишь уставшим. И я не хочу ночевать в поле. Давай посмотрим, что там.

Жрец согласился, возница развернул повозку, и они поехали к старой дороге. Жреца и Аня трясло так сильно, что они оба подложили под себя подушки и двумя руками вцепились в борта. На одном особенно коварном ухабе Ань прикусил язык и от боли выругался, но жрец не отругал его, только взглянул из-под нахмуренных бровей с видом человека, который разделяет его чувства.

Наконец, генерал приказал остановиться и отодвинул штору, жрец выбрался наружу, едва не упав – генерал помог ему устоять. Отряхнувшись, жрец оглядел постоянный двор. Вблизи он выглядел еще более мрачным и неудобным, чем издали. К входу была протоптана тропинка, но нельзя было определить, кто по ней ходит: люди или звери. И тут они услышали хрюканье и возню, следом раздались шаги и женский голос прикрикнул:

– А ну, чего раскричались? Дармоеды!

– Слышишь? Тут есть живые! – обрадовался генерал. – И свиньи, значит, есть мясо!

Он громко постучал и вошел – с потолка сорвалась летучая мышь и с шумом пролетела над головой. «Дурной знак», – пробормотал жрец и велел Аню держаться поближе и ничего не есть и не пить без его разрешения. Между тем к гостям вышла красивая зрелая женщина, одетая старомодно и бедно, но с большим вкусом. Она поклонилась, приветствовала гостей и поинтересовалась, что им нужно.

– Мы ищем ночлег и заплатим зерном, – сказал генерал. – Будет у тебя свободные комнаты?

– Да свободных комнат сколько угодно, только ведь... Не прибрано у меня. Давно гостей не было, – заискивающе улыбнулась хозяйка и поклонилась. – Если согласны подождать, я накормила бы вас, а потом уложила.

– Подождем, – согласился генерал, не заметив, как жрец покачал головой. Хозяйка же обратила на это внимание и бросила недовольный взгляд. Ань заметил, что она как будто принюхалась, но женщина тут же расплылась в радушной улыбке и спросила, что приготовить гостям.

– Благодарю, мы поедем свое, – твердо сказал жрец. – Займитесь лучше постелями, уважаемая хозяйка. Мне нужно прилечь. а утром мы уйдем с миром.

Генерал и солдаты были крайне недовольны: они рассчитывали на сытный горячий ужин. Однако спорить было бесполезно, все устроились за темным и плохо скобленным столом, двое солдат принесли яблоки, капусту, холодное мясо, лепешки и пиво. Генерал донимал жреца вопросами и настаивал, что хозяйка мила, обходительна и не так бедна, чтобы разориться с одной зарезанной свиньи. Жрец молча ел и закончил трапезу словами:

– Теперь я буду спать, Ань – со мной. А ты прикажи солдатам нести караул и спать по очереди. Ты молод, я должен тебя предупредить. Не жди добра от заброшенной харчевни, которой управляет одна-единственная женщина, и одета она слишком празднично для той, кто только что кормил свиней.

Сказав это, жрец взял Аня за руку и отвел на второй этаж. Вдвоем они перетаскивали постель, приготовленную мальчику, и кровать жреца в центр комнаты и легли головами к разным стенам.

Видя, что жрец серьезен, генерал и сам задумался, насколько безопасно ночевать здесь, но было поздно искать другое пристанище: солнце почти коснулось горизонта. Выставив часового, генерал приказал четырем оставшимся солдатам спать в одной комнате, сам же отправился на улицу: обойти окрестности с дозором. Мелкие холмы, поросшие травой, лес вдалеке, шум реки, почти не различимый из-за расстояния, да обычные вечерние шорохи в траве – больше ничего генерал не нашел.

Уже в темноте он вернулся на постоянный двор, зашел в отведенную комнату, снял доспехи и шлем, упал на кровать и хотел немедленно уснуть. Но подушка была жесткой и совершенно неудобной, как будто ее набили костями вместо шерсти. Генерал поворочался, так что кровать жалобно заскрипела, а потом решил умять подушку и хорошенько ударил по ней кулаком. Подушка тут же завизжала, как резаный поросенок, ударила генерала в лицо и выскочила в окно – от неожиданности генерал тоже закричал и тоже выскочил, но в противоположном направлении. Сломав дверь, он вывалился в коридор и тут же бросился в комнату жреца.

– Очнись, очнись же, очнись! – кричал генерал.

Ань хватал его за руки, чтобы не тряс так сильно спящего, а жрец, начав просыпаться, тут же сжался и резко выпрямил ноги, так что больно ударил генерала по голени – тот взвыл и зашипел, как придушенная змея.

– Ты что творишь, обезьяна, – прохрипел генерал.

Жрец смутился и объяснил, что не узнал его, но Ань по взгляду догадался, что дело было как раз наоборот: узнав генерала, жрец решил проучить его, а теперь сожалел. Потому что лицо их командира было перепуганным и серьезным.

– Здесь творится какая-то чертовщина, – сказал генерал, перестав потирать ушибленные ноги. – Моя подушка оказалась живой и ударила меня. Сходи и проверь. Как жрец, ты здесь будешь полезнее, чем я.

Жрец кивнул и велел генералу тихо разбудить солдат и собрать всех в этой комнате. Генерал так и сделал, только еще облачился в полный доспех, но не усидел и прокрался вслед за жрецом в нижний зал. Ань также не хотел прятаться и пошел за генералом. Следом спустились и четверо солдат, кроме того, что был на карауле.

В нижнем зале им открылась чудовищная картина. Хозяйка из красивой женщины превратилась в монстра: шея ее стала длинной и костлявой, а изо рта свисал гибкий зеленый язык и доставал кончиком до пола. На руках она держала нечто среднее между подушкой и поро-

сенком, без морды и хвоста. Чудище гладило маленького монстра своими пальцами с длинными острыми когтями. За столами сидели другие монстры и призраки, их было не меньше семи: мохнатое чудовище с шестью глазами, синий человек с зонтом над головой, женщина с кроваво-красным ртом и пустыми глазницами, и другие, при виде которых даже бывалый воин дрогнул бы и побежал.

Генерал вынул меч из ножен, однако жрец остановил его и продолжил разговор с чудовищем, начатый чуть раньше.

– Госпожа, виданное ли это дело, чтобы честных постояльцев, готовых заплатить, грабили да еще били по лицу?

Хозяйка-чудовище визгливо расхохоталась, а другие монстры заревели, завyli и стали колотить по столам. Жрец обвел их взглядом и снова приказал генералу убрать меч в ножны, а Аню – отступить назад.

– Ты заключила со мной договор, а теперь хочешь меня обмануть?

На эти слова хозяйка-монстр зашипела, выпустила подушку-поросенка и надвинулась своей страшной головой на жреца – тот не сдвинулся с места и даже не отвернулся, он прямо смотрел в ее сверкающие глаза и повторил слова о договоре. Нечисть за столами притихла и смотрела на хозяйку в ожидании. Поведи она только бровью, и чудовища бросились бы и разорвали людей в клочья, но она убрала голову от жреца и прошепелявила:

– Какой еще уговор?

– Ты готовишь нам постели, даешь переночевать, а мы платим тебе рисом и уходим с миром.

– Рисом не годится, – сказала хозяйка-монстр.

– Раньше надо было говорить...

Жрец не закончил фразу, потому что из помещения, где должна была быть кухня или кладовая, с громким стуком копыт вышел хряк. На его розовой лоснящейся голове качался плохо привязанный шлем, а сбоку от пятка был старый шрам – по этим признакам люди узнали своего товарища, еще недавно стоявшего в карауле.

– Кровь ты уже получила, – мрачно проговорил жрец. – Теперь верни украденное и дай нам уйти.

Хозяйка зло расхохоталась, а монстры бросились на бедного хряка и мгновенно разорвали на части. Генерал прикрыл ладонью нос и рот, Аня упал в обморок – его подхватил один из солдат. А хозяйка достала из кармана вещи, которые были в ее руках маленькими, но стоило им коснуться пола, как приняли нормальный размер: генеральские седло и стол, мешки с рисом и кошель с золотом и серебром, оружие солдат и другое имущество. Те, кто не держал Аня, подобрали вещи. И тут же люди оказались посреди холмов, в рассветной тишине. Постоявший двор исчез без следа. Мерины отбредли довольно далеко, и солдатам пришлось догонять их. Повозка стояла невредимая, и в нее положили очнувшегося Аня и возвращенные вещи. Меринов впрягли и двинулись в путь. Никто не решался заговорить, все ехали молча, и только Аня, пришедший в себя, тихонько сглатывал слезы – то ли от страха, то ли из жалости к погубленному солдату.

6. Откровенный разговор в купальне

Солнце было уже высоко, когда повозка докатилась до города. Стражник увидел красные кисти, узнал генерала и пропустил людей. Они расположились в хорошем постоялом дворе и пошли в купальню. Всем хотелось очиститься от страха, прилипшего к телам и душам после того, как их товарища разорвали на кусочки. Солдаты пошли мыться в кадках, в купальню постоялого двора, а Ань, жрец и генерал расположились в городской купальне для аристократов и богатых горожан. В красном павильоне помещался большой бассейн, в котором плавали лотосы, вокруг него девушки и мальчики с красивыми лицами разносили напитки и терли гостям спины. Генерал, не принимая помощи, разделся, окунулся и долго сидел в воде. Жрец помог раздеться Аню и обмыл его тело.

– Почему вы делаете это? – смущенно спросил мальчик.

– Ты не простой ребенок. Ты станешь утешением при дворе. Эти женщины не утверждены главной придворной дамой.

– Мое положение будет таким высоким?

– Да. Тебе нужно готовиться.

– Я не смогу.

– Сможешь. В тебе течет благородная кровь.

Ань дернулся от такой новости и поскользнулся – жрец поймал падающего и получил локтем по скуле. Ань рванул с места, жрец ухватил его за предплечье и развернул — мальчик крутанулся на пятках, упал на колени и затараторил:

– Мне жаль, мне жаль!..

– Немедленно выпрямись!

Ань еще ниже пригнулся – скорчился на коленях и попытался поцеловать ноги жреца. Пришлось поднимать его под мышки. Жрец округлил глаза и прошипел:

– Встань ровно, не позорь меня.

Мальчик, наконец, выпрямился и вытянул руки по швам. Жрец покачал головой и продолжил поливать из ковшика. Мальчик вздрагивал от каждого прикосновения и был весь красный от шеи до кончиков ушей. Жрец делал вид, что не замечает. Вылив все ведро, он обтер Аня, отвел к купели, уложил на одеяло и стал втирать в спину разогревающие мази. Мальчик всхлипывал, хрюкал носом, и этим отпугивал местных аристократов и их служанок. Помимо звуков, их смущало, что жрец с мягкой кожей и строгими чертами лица так покорно ухаживает за чумазым сутулым мальчиком с волосами, свалившимися в гнездо.

Через некоторое время Ань уснул, а жрец повернул голову и увидел, что генерал сидит неподалеку и смотрит на Аня с тяжелой завистью. Жрец подсел к командиру и взял стакан воды с его столика. Девушка-прислужница подошла и предложила обмыть жреца.

– Не трогай его! – грозно приказал генерал, на шее у него были вздутые вены. – У тебя недостаточно чистые руки!

– Спасибо. Я должен сам, – мягко ответил жрец девушке и наклонился к генералу. – А ты не вздумай подглядывать.

– Я чистый! Я должен помочь с твоими ушибами.

Жрец неловко огляделся и покачал головой, но генерал смотрел так упрямо, что сил спорить не было.

– Я буду все делать сам. Но ты можешь побыть рядом.

Сказав это, жрец набрал горячей воды из чана и ушел за ширмы, генерал моча прошел следом, не обращая внимание на осуждающие взгляды местных аристократов. Он устроился у ширмы с тиграми, скрестил ноги и стал наблюдать. Жрец снял купальный халат, и взглядам генерала открылись многочисленные синяки, полученные от ударов разбойников. Генерал тут

же хотел вскочить и схватить ткань – сделать компрессы. Однако жрец властным движением приказал оставаться на месте, и генерал сел обратно.

– Тебе не нужно обо мне заботиться, – сказал жрец тихо, не глядя на генерала. – Ты видишь, что я не слабый.

Под нежной кожей, бледной из-то того, что она всегда спрятана под одеждой, двигались тонкие, но крепкие мышцы. Генерал знал такое телосложение – это были сухие солдаты с огромной выносливостью и силой, которая бралась, кажется, из земли. Тем не менее были отличия: тело жреца было гораздо более красивое, чем у любого солдата.

– Тебе сильно досталось, – проворчал генерал, голос его неожиданно осип, и жрец взглянул на него внимательно.

– Генерал. Я отказываю тебе не потому, что с тобой что-то не так. Ты красив и умен. Я убедился, что ты не легкомыслен. И, наверное, будь я тем деревенским человеком, которым родился, я не знал бы большей чести, чем утешить твои желания.

Генерал сглотнул, представив такую возможность, и несколько подвинулся вперед – жрец снова властно приказал не двигаться, и генерал неохотно вернулся в прежнее положение. Жрец взглянул на него со смесью сожаления и теплоты, как смотрят не строптивого ребенка.

– Дело, как я сказал, не в тебе. А в том, что разница между тем, что я получу, и тем, что я рискую потерять, крайне велика. – Видя непонимание в глазах генерала, жрец сказал. – Ты знаешь, что я жрец Восточного дракона. Ты знаешь, кто это?

Генерал постарался включить память, но вид жреца в мокрой ткани и со всеми этими синяками, заполнял воображение. Генерал качнул головой. Жрец вылил еще один ковш воды на себя, вздохнул и повернулся спиной. Среди синяков генерал разглядел несколько старых шрамов, а по центру – круглые бугорки позвоночника. Генерал прикрыл рот, потом с силой потер уши.

– Восточный дракон – это дракон, спящий у ног Восточного Будды.

До генерала не сразу дошел смысл сказанного, когда же он понял слова, то мгновенно запахнул халат и сел на колени как прилежный ученик. Жрец ощутил это движение и остался доволен. Он продолжил.

– Мое лицо было первой причиной, по которой мои родители были уверены, что я не стану простым охотником или егерем, как мой отец. Они усердно трудились и накопили несколько денег, чтобы я мог поступить на учебу. Однако этих денег не хватило бы, чтобы жить в городе долго.

К счастью, в нашей деревне остановился жрец. Он был стар, я приносил ему рис и овощи. Однажды он предложил учить меня. Он объяснил, что его ученик оказался распущенным пьяницей и пропал. Взамен он решил обучить меня. Так я выучился первым молитвам, чтению и письму. Однако жрец не мог посвятить меня. Он дал мне письмо и послал к жрецу более высокого ранга, который не гнушался учить бедняков.

Тогда я много странствовал и повидал жизнь в разных ее проявлениях, я сталкивался с людскими пороками и демонами. Однажды я столкнулся с горными троллями, а они, оказалось, служили сильному демону.

Тогда съехалось много жрецов. Один из них был жрецом Восточного дракона. Он молился семь дней, и я, не имея других занятий, стоял на коленях неподалеку. Потом к нам присоединилась вся деревня. Они больше не верили другим жрецам. И тогда Дракон явился. Он указал мне мой путь.

Мы с жрецом взяли бамбуковые палки и двинулись в горы. Все тролли были испепелены, а демон низвергнут. Мы благодарили дракона и вернули выживших детей их родителям.

– Ты видел бога?!

– Да. И тот свет, который он подарил мне своим присутствием, не сравнится ни с одним наслаждением этого мира. Восточный дракон исполняет желания и защищает невинных, но он же требует очень много. Однажды я потерял свою чистоту.

– Как?!

– После того случая придворный жрец взял меня в ученики и приблизил к себе. Он хотел, чтобы другие завидовали, что у него такой способный и миловидный ученик. Однако и он завидовал мне, тому, что я лицеизрел бога. Возможно, мы стали бы врагами, но у него заболела дочь (он стал жрецом, когда у него уже была семья). Его дочь родила ребенка и слегла с горячкой. Когда мы пришли, я увидел демона, который хорошо прятался в тени. Мой учитель не видел его, я же увидел и его, и то, что он питается пороками молодой женщины и усиливает болезнь. Тогда я попросил Восточного дракона исполнить мое желание и отдать мне все грехи этой женщины, чтобы демон оставил ее в покое.

– Какие у нее могли быть грехи?

– Там было довольно много: зависть, властолюбие, злословие, неуважение к мужу и свекрови. Она была похожа на своего отца. Многие люди склонны к этому, но не для всех богов это такие уж тяжкие грехи. А для Восточного дракона – именно такие. Он исполнил мое желание, но как только я стал грязным, он покинул меня, а демон набросился. Один, я боролся с демоном 12 дней и ночей. Мой учитель помогал мне, но действовал вслепую, и получалось плохо, иногда он попадал по мне. Наконец, демон устал и решил, что я слишком сложная добыча, он ушел. Я упал и пробыл без сознания некоторое время. Самое страшное ждало меня впереди. Три дня, пока моя чистота не восстановилась, свет Восточного дракона не возвращался. Я был жив, но у меня будто забрали самое важное, я был не просто пустым, а мучительно пустым. Теперь ты понимаешь, чего я лишусь, если начну смотреть на тебя с похотью или просто уступлю твоим просьбам?

Генерал опустил голову. Он понимал, но не верил, что нет ни малейшей надежды. Жрец оделся в сухое и сел рядом. Генерал тут же сжал его плечо и посмотрел с жадным вопросом.

– Дун Янгхао, я гадал на тебя, и твоя судьба не рядом со мной.

– Нет?.. Зачем ты на меня гадал?!

– А как иначе? Я чувствую одно, но ты настаиваешь на другом. Поэтому я спросил Небеса, в чем твоя судьба.

– В чем же? Не говори! Я не хочу знать.

– У тебя хорошая судьба, – мягко улыбнулся жрец и встал, генерал удержал его за полу халата.

– Стой. Ты знаешь мое имя. Ты отказываешь мне во взаимности. Но по крайней мере, открой свое имя. Дай мне этот подарок.

Жрец наклонился и прошептал свое имя. Генерал опустил голову, разжав пальцы, и дал жрецу свободно уйти: нужно было будить Аня и идти ужинать.

7. Мудрец, равный небу

Несколько дней обоз двигался без приключений. Солдаты старались сохранить бдительность, но мирный пейзаж вокруг и добрые сельчане в деревнях категорически мешали боевому духу. Несколько раз генерал отругал своих людей за нерадивость. Ань хотел вступиться, но жрец удержал его: дисциплина в армии важнее всего.

Мальчику каждый день разминали спину, а по вечерам жрец заставлял его отмачивать пальцы в воде с солью и потом растирал с розовым маслом из собственного запаса. Аня это крайне смущало, а генерала злило, и только жрец не видел ничего странного. Он объяснял, что мальчика нужно привести в порядок, прежде чем он предстанет перед самим императором.

Так проходили дни, генерал и жрец обменивались дружескими упреками и были довольно близки. Ань привыкал к мысли, что будет жить при дворе и задавал вопросы, которые большей частью сводились к количеству лестниц и наличию хорошеньких девушек. Чтобы занять мальчика более полезными мыслями, генерал стал учить его чтению, письму и бою с мечом. Ань ощутил себя настоящим мужчиной и больше не спрашивал ни о чем предосудительном, а весь погрузился в учебу. Знания давались ему легко, а крепкие руки и цепкие пальцы с каждым днем все увереннее держали палку, изображавшую меч.

Позже обоз приблизился к горам: и острые пики вонзились в небо. Жители стали попадаться реже и часто убегали, завидев повозку и вооруженных людей. Генерал приказал быть особенно внимательными и отложил очередной урок – с Анем ближайшие два дня занимался жрец. Еще через день над горами появились тяжелые тучи, и генерал велел въехать в ближайшую деревню, чтобы переждать непогоду. Так они и сделали, расположились в доме скорняка, и Ань помог хозяину внести в дом шкурки, сушившиеся на улице. Приближалась гроза.

Не прошло и трех часов, как ударила молния, за ней вторая, и ливень сплошной стеной встал за окном. Четверо солдат заняли сарай, где хозяин хранил готовые шкуры, напились и наелись досыта угощением, которое принесла хозяйская жена, и уснули.

Между тем генерал и жрец тревожно вглядывались в пелену:

- Дорогу может размыть, – заметил генерал.
- Будет гораздо хуже, если смоем мост.

Однако дорога и мост были меньшей из бед: скорняк объяснил, что когда случаются такие грозы, могут прийти тролли. Они крадут металлические вещи и маленьких детей.

– Мою племянницу украли в прошлом месяце, – сказал мужчина и показал длинный уродливый шрам на шее. – Но мы смогли ее отбить. Поэтому вам лучше не раздеваться на ночь.

Генерал хотел предупредить солдат, но дождь был слишком сильным – оставалось надеяться на их дисциплину. Генерал не мог видеть, что его подчиненные сладко спят на мягких шкурах.

Дождь лил и лил. Вдруг за окном мелькнула тень, вторая – генерал и жрец переглянулись и взяли оружие. Интуиция говорила им, что это не люди. В другую минуту раздался крик. Генерал надел шлем, а жрец шляпу, и оба выскочили на улицу. Во дворе соседнего дома одна женщина без чувств лежала на земле, а другая явно только что присела рядом. Эта, последняя, дрожащей рукой указала на сломанные ворота и прокричала: «Тролли, тролли».

– Опять они, – пробормотал жрец и громче добавил: – Если их два или пять, мы справимся.

Мужчины побежали за троллями, округлые горбатые фигуры чудовищ мелькнули далеко впереди и скрылись за поворотом.

- Где у них слабое место? – спросил генерал, не останавливаясь.
- Его нет.
- Как их тогда убить?

– Мы не сможем. Только прогнать.

– Что?!

Генерал резко остановился и бросился в противоположную сторону: собрать своих людей. Жрец побежал дальше, чтобы не упустить троллей. На ходу он припоминал, как столкнулся с ними в прошлый раз, много лет назад. С тех пор его сил стало больше, но тогда им помог Восточный дракон.

– Я с вами!

Жрец обернулся и увидел Аня, который нагнал его и не отставал. Вода стекала по его свалывшимся волосам, как по шляпе, в руках мальчик держал топор. Жрец хотел крикнуть ему, чтобы спрятался, но именно тогда на них с крыши прыгнул первый тролль. Это было существо, напоминающее жабу, но лишенное ее мягкости и медлительности. Следом показались еще четыре монстра, в передних лапах они держали оружие, кое-как сбитое из украденного металла. Тролли окружили людей.

– Ты должен спастись, – потребовал жрец у Аня. Мальчик встал за его спиной и поднял топор.

Первый тролль прыгнул на Аня, но мальчик не сплеховал и рубанул монстра по глазу. Второй тролль напал с другой стороны – жрец сбил его с ног шестом и пнул – тролль покатился как бочка и сшиб двух своих соплеменников. Однако еще один тролль удачно подлез к Аню, выхватил у него топор и с силой ударил обухом в лоб – Ань отшатнулся – пострадало только плечо. Тролли же, больше не заинтересованные в людях, побежали дальше.

– Ты ранен? – обеспокоенно спросил жрец, мальчик качнул головой, но когда попробовал поднять руку, зашипел от боли.

Подбежал генерал с солдатами и тоже поинтересовался ранами. Жрец объяснил ситуацию, и генерал тяжело покачал головой:

– Их гораздо больше пяти. Только по пути к скорняку и обратно мы насчитали девять. И еще пятеро тех, что видели вы. У них был ребенок?

– Нет.

– Значит, их еще больше. Кажется... Нам остается молиться. Ты рассказывал, что бог спас детей.

– Тогда мы молились семь дней. Хотелось бы как-то пораньше... Подожди. Их слишком много. Тролли не живут такими стаями. Что-то здесь не так. Не кажется ли тебе, что они бегут от чего-то?

– Что-то, что еще страшнее троллей? – поднял брови генерал.

Ответом ему было алое сияние, поднявшееся на противоположном конце деревни. Оно росло, и вместе с ним шла прекрасная музыка. Сияние и звуки быстро приближались, и вскоре люди увидели разноцветное облако, верхом на котором сидела золотая обезьяна в доспехах. Ее алый плащ развевался и застилал полнеба. Вдруг облако остановилось, и обезьяна с хохотом прыгнула на землю – там, где она приземлилась, осталась глубокая вмятина в земле. Дождь отступил, будто слуга отодвинул шторы перед господином.

– Кто это вы такие? – спросила обезьяна, и жрец поклонился почти до земли, пригнув за шею Аня.

– Приветствуем тебя, о, мудрейший!

Вежливое обращение понравилось обезьяне, она взглянула на генерала. Тот покосился на жреца, тоже поклонился и повторил приветствие, так же поступили солдаты. Мудрейший благосклонно улыбнулся и вдруг дернул за волосы Аня – мальчик ойкнул.

– А это что за обезьяна? Я видел, как отважно она сражалась против пятерых троллей. Тебе незачем жить среди людей. Ты должен жить в моем королевстве обезьян.

Ань обиделся. Он приподнял лицо и посмотрел на мудреца сквозь волосы:

– С чего это?..

– О великий! – перебил жрец мальчика и снова пригнул его голову. – Ты так мудр и так хорошо шутишь! Этот отрок – я везу его во дворец, он должен вернуть мир и утешение в Китай.

– Мир и утешение? Когда такое было возможно? Но ты хочешь сказать, что он не обезьяна? Ладно, тогда пусть живет среди людей. А за его храбрость...

Обезьяна вырвала у себя волос и вдруг с силой ударила Аня по голове. Мальчик упал на колени, а когда встал, его волосы вдруг расправились и заструились по плечам шелковыми реками, а среди черных прядей появилась одна золотая. Мудрец хихикнул и подмигнул:

– Тебе идет. Если будешь в тяжелой беде, просто позови меня: «Сунь-У-Кун, мудрец, равный небу, помоги». Я тебя выручу. А сейчас мне некогда. Я никак не могу загнать этих пронырливых троллей в их логово. Теперь, наконец, они выдали, где их главное гнездо, и я намерен разобраться с королем троллей. Держитесь подальше, будет очень жарко. Не забудьте потом устроить пир в мою честь.

– О мудрец! Там девочка, – еще ниже поклонился жрец. Обезьяна почесала за ухом, как будто оценивая шансы ребенка выжить, потом махнула рукой:

– Ладно. Верну всех детей. Благодарите меня как следует!

С этими словами обезьяна развернулась и прыжком оказалась возле гор, став одного роста с ними, и вынула из-за уха золотой шест, размером от неба до земли. Там же, где бессмертный оттолкнулся, перед жрецом, Анем, генералом и солдатами, образовалась яма в форме ладони, дома обрушились и свалились на дно, дождь снова накрыл деревню и стал быстро заполнять яму водой.

– Это был Царь обезьян? – пораженно проговорил генерал и снял шлем, несмотря на дождь.

– Да, – признал жрец.

– Великовато у него самомнение, – буркнул Ань и тут же получил два подзатыльника: от жреца и генерала.

– Нам следовать за небожителем? – уточнил один из солдат.

Генерал вопросительно посмотрел на жреца, тот покачал головой:

– Нет. Мы будем только мешать. Нам нужно дожидаться хорошей погоды и устроить богатый пир. Теперь у нашего Аня могущественный покровитель... Хотя и не все дружны с ним на Небесах.

– Да вообще-то... Никто не дружен, – заметил генерал и сочувственно похлопал мальчика по плечу. – Не горюй. Мы не выбираем себе небесных покровителей. Но они не так уж часто вмешиваются в земные дела, так что твоя судьба не должна сильно пострадать.

Говоря это, генерал не мог оторвать взгляда от лица Аня. Теперь, когда его волосы пришли в порядок, стало хорошо видно, как он красив: крупные глаза с изящным разрезом, острые брови, аккуратный нос и розовые губы, четкие скулы и подбородок.

– Почему вы так на меня смотрите? – спросил Ань.

– Этот... мудрец заколдовал не только твои волосы. Лицо тоже.

– У него всегда было такое лицо, – сухо заметил жрец и потянул мальчика в дом скорняка.

Прошло довольно много времени, дождь прекратился, а горы еще сотрясались от тяжелой битвы мудреца и короля троллей. Люди в деревне, воодушевленные жрецом, зажгли благовония и стали молиться за победу Сунь-У-Куна. Их молитвы увеличили силы мудреца, и он обезглавил монстра. Тело рухнуло в воду и подняло гигантскую волну. Голову же Царь обезьян надел на шест и пролетел так над деревней на своем разноцветном облаке. В это время Ань вышел из дома, убедиться, что все конечно. Оказавшись над мальчиком, разноцветное облако остановилось, от него отделились множество маленьких облачков, и вскоре люди увидели, что с неба плавно спускаются дети – те, кого считали умершими, потому что их похитили тролли. Радости людей не было предела. Вся деревня сгрудилась возле Аня, хватая малышей. Когда

же первый восторг улегся, люди решили, что неспроста дети приземлились рядом с этим прекрасным юношей, и склонили колени.

После был устроен богатый пир, который длился три дня и три ночи. Жители деревни восхваляли Царя обезьян и прекрасного юношу с золотым локоном. Ань был смущен и быстро устал от почестей. Он забрался на лавку, где ему было постелено, и притворился спящим. «Скромность украшает монарха», – тихо проговорил жрец и поправил одеяло на мальчике.

8. Спасшаяся женщина

После праздника генерал и жрец прогулялись к реке, чтобы проверить состояние переправы. К сожалению, вода была высокая, и мост унесло. Мужчины сели на большие пни и задумались, как быть дальше. Генерал предложил построить плот, жрец указал, что течение теперь слишком непредсказуемое, и они рискуют утонуть. Мужчины осмотрели остатки опор на своем берегу. Одну расщепило пополам, а вторую вырвало с куском земли и унесло – быстро заменить мост не получится. Ничего не придумав, мужчины двинулись обратно в деревню. Взгляд генерала упал на пни, на которых они с жрецом сидели недавно.

– Разве не удивительно?

– А что такое? – уточнил жрец.

– Тут нет вокруг таких больших деревьев. А эти пни огромны. Тут росли настоящие исполины!

– Ничего удивительного. Я попросил духа этого леса вырастить три дерева, чтобы я смог построить плот, а люди из деревни – мост.

– Ты был тут раньше?

– Да, после того, как мой первый учитель отправил меня к старому жрецу, своему наставнику.

– Почему ты не сказал?

– Прошло почти сорок лет, я был здесь недолго, и никто меня не запомнил. Ни троллей, ни того постоянного двора с нечистой тогда тут не было.

– Разве не тут ты встретил троллей и Восточного дракона? – удивился генерал.

– Нет-нет. Это было гораздо позже, а здесь я был лет сорок назад, в самом начале пути.

– Так ты родом из этого региона?

– М.

Генерал хотел спросить о родителях жреца и не хочет ли он повидать их, но подумал, что это будет бестактно.

– Подожди! Сколько же тебе лет?!

– Не знаю.

– Как так?

– Никто не записывал год моего рождения. Но сорок лет назад я уже умел писать и читать, а родители отпустили меня в путешествие. Мне точно было не меньше двенадцати.

Генерал цокнул языком: невозможно. Жрец был слишком красив, а в волосах не было ни одного седого волоса, ему никак не мог идти шестой десяток.

– Ты можешь опять попросить духа вырастить деревья?

– Хорошая идея. Я попробую.

– Ты сам не догадался?

– Нет. – Генерал довольно ухмыльнулся и поиграл бровями. Жрец не отреагировал. – Призыв потребует некоторого времени.

– Сколько?

– Не знаю. Надеюсь, не слишком долго. Но древние духи бывают капризны.

– Выбора у нас все равно нет. Зови столько, сколько нужно.

– Да.

В деревне жрец умылся, собрал нужные инструменты и ушел в лес, чтобы вызвать духа. Генерал же выгнал своих солдат и Аня на помощь местным жителям, которые всей общиной отстраивали дома, рухнувшие после прыжка Царя обезьян. Ань не подчинился. Он был не против помочь, но жрец тратил много средств и времени, чтобы вывести с его пальцев заусенцы, грязь и мозоли, и мальчик не хотел испортить такую сложную работу. Поэтому Ань взял боль-

шую корзину и сказал генералу, что пойдет вдоль берега и посмотрит, можно ли собрать что-то ценное там, где вода отступила. Генерал поразмыслил и отпустил мальчика, а сам решил руководить строительными работами.

Так Ань оказался на берегу реки, разбухшей и мутной, несущей в своих волнах деревья, разные вещи, а однажды мимо проплыл целый дом. Ань внимательно смотрел под ноги и иногда помогал себе палкой. Ему удалось найти дверь с порванными ячейками, веер, удочку, одну сандалию, несколько предметов одежды, пару медных монет и атласных лент, еще – кастрюлю. Довольный находками, Ань поднял взгляд и обнаружил, что отошел далеко от деревни. Берег здесь был скалистым и поднимался вверх, нависая над водой. Ань не испугался: нужно было просто развернуться и идти вдоль реки.

Мальчик так и хотел поступить, но увидел впереди что-то светлое с темным, похожее на человека. Ань поставил корзину и прибавил шаг – там действительно лежал человек. Женщина. Когда мальчик коснулся ее головы, женщина вздрогнула, закашлялась и поднялась на локтях. Вся одежда ее была изорвана и растрепана, так что в прорехи было видно часть груди и ключицы.

– Вы жива, госпожа? – спросил Ань, не зная статуса женщины. Она снова закашлялась, Ань придержал ее за плечи, худые и острые. Потом помог сесть. Женщина глубоко вздохнула и убрала волосы. Ее лицо было грязным и бледным, но очень красивым.

– Как тебя зовут?

– Ань. Здесь недалеко деревня. Я отведу вас. Вы можете идти?

С его помощью женщина встала и сделала несколько шагов, но быстро устала и села, прижавшись плечом к скале, прикрыла глаза и, казалось, задремала. Ань был очарован красотой женщины, и ему было жаль ее. Он побежал к корзине и вернулся с одеждой и гребнем. Женщина слабо улыбнулась, приняла подарок и стала расчесывать волосы. Об одежде она заметила, что та грязная и мокрая. Ань тут же пошел стирать, забыв, что хотел беречь руки. Он тщательно выполоскал одежду – это оказались мужские штаны и вполне сносная женская «и», кофта. Затем мальчик озаботился, как высушить постиранное: он заметался по берегу, держа штаны и в вытянутых руках. Женщина рассмеялась. Голос ее был отдохнувшим и мелодичным, она завязала волосы узлом, и стали видны ее высокие скулы, стройная шея и ключицы. Ань смутился и отвел взгляд.

– Ты очень добрый, – сказала женщина. – Незачем так суетиться. Я посижу здесь немного, а ты мог бы пока сбегать и набрать хвороста для огня. Я разведу его двумя камнями.

Ань кивнул и убежал. Он набрал охапку хвороста и нашел три палки, из которых можно было соорудить перекладину для белья. Довольный, он вернулся к женщине. Она сидела поджав ноги и отчаянно глядя на воду. Ань испугался и подошел ближе:

– С вами все хорошо, госпожа?

Женщина хохотнула, но это был мрачный смех, и тут же расплакалась. Наконец, она вытерла слезы и сказала:

– Похоже, никто меня не ищет. Они считают, что я умерла.

– Не нужно волноваться. Где вы жили? В деревне выше? Я отведу вас к людям. Они построят новый мост, тогда вы сможете вернуться домой.

– Нет необходимости, – вздохнула женщина и с веселой улыбкой взглянула мальчика. – Посиди со мной немного. Ты живой, я хочу побыть с тобой чуть-чуть, пока не смогу встать и пойти.

Ань послушался и сел, женщина обняла его. Впервые он чувствовал нечто подобное: ее грудь из-за порванной одежды прижалась к его плечу, голову женщина положила мальчику на плечо, и ее волосы щекотали шею. Так они сидели и глядели на воду, пока Аня не разобрала дремота, он зевнул, потом еще раз и сам не заметил, как заснул. Очнулся он от того, что жен-

щина звала его. Ань открыл глаза и тут же вскочил, готовый бежать, женщина снова мелодично рассмеялась.

– Скоро стемнеет. Мои ноги чувствуют себя лучше. Мы можем пойти в деревню. Тут далеко?

Ань помог женщине встать, всё еще сонный и немного слепой. Они двинулись вдоль реки, Ань подхватил корзину по пути. Женщина шла, опираясь на одну из палок, на которых мальчик хотел сушить белье, а одежда так и осталась на берегу: женщине она не понравилась.

– Ань, а в деревне много людей?

– Да, госпожа. Обязательно найдется кто-нибудь, кто приютит вас.

Они шли, переговариваясь тихими голосами. Солнце село, и на небе зажглись большие и яркие звезды. Река призрачно поблескивала слева, а стена берега тянулась справа, постепенно уменьшаясь. Ань объяснил, что дальше – лес, где он набрал хворост и палки. Женщина не ответила, зябко повела плечами и прибавила шаг. Ноги ее, похоже, совершенно зажили.

– Как ваше имя? – спросил Ань.

Женщина не ответила, мальчик повторил вопрос. Наконец, она произнесла:

– Я не помню. Может быть, Лу?

– Это больше похоже на фамилию, – заметил Ань.

– Я не помню, – покачала головой женщина. – Правда. Я ударилась в воде.

Госпожа Лу чуть сильнее сжала руку мальчика и на секунду прижалась щекой к его плечу, для этого женщине пришлось наклониться, и грудь снова невзначай коснулась локтя Аня. Мальчик покраснел и закусил губу, размышляя, может ли предложить этой женщине не только заботу, но и покровительство и может ли ожидать в благодарность чего-то большего, чем добрые слова или ласковый взгляд. Между тем, они почти пришли, и госпожа Лу заметно занервничала и замедлилась. Ань утешил ее, что в деревне живут хорошие люди.

В конце концов, он уговорил ее и привел в дом скорняка. Генерал встретил его грозным окриком, однако, увидев госпожу Лу, замолчал и поправил пояс. Ань объяснил, что произошло с госпожой Лу и как они встретились. Генерал оглядел одежду женщины, оценил грязное состояние Аня и сказал:

– Идите приведите себя в порядок. Уже ночь, но сегодня было солнечно, вода в бочке хорошо нагрелась. Умойтесь, я велю жене хозяина позаботиться о... госпоже Лу и дать ей приличную одежду.

Лу благодарно поклонилась и осталась на месте, стыдливо прикрывая дыры на своем платье и не решаясь взглянуть в лицо грозному командиру. Ань тоже не двинулся с места и недовольно спросил:

– Где достопочтенный жрец?

– Сказал, что будет молиться несколько дней. Иди умойся. Незачем уничтожать результаты его тяжелой работы.

Ань скривился, но не мог ничего возразить и ушел на задний двор. Там он отлил воды из бочки в корыто и вымылся, поливая на себя из ковша. Через щель между ставнями кто-то с любопытством наблюдал за ним, но мальчик постарался сделать вид, что не заметил. Вытеревшись и одевшись в чистое, Ань вернулся в дом. Госпожи Лу не было, ее увела хозяйка, а генерал усадил мальчика за стол и стал подробно расспрашивать о женщине. Ань отвечал честно и в конце заявил, что намерен оказать ей покровительство. Дун Янгхао рассмеялся и ударил мальчика по лбу:

– Какой ты глупый! Кто ты такой? Что у тебя есть, а? Ты сын рабыни. Такой женщине, как госпожа Лу, нужен кто-то действительно сильный и состоятельный.

– Ты говоришь о себе? Присвоил себе жреца, а теперь и госпожу Лу?

– А что? Ты можешь мне что-то противопоставить?

Ань сгорбился, зло дернул губой и ушел на свою лавку. Однако потом не выдержал и сказал:

– Дурак здесь ты. Когда жрец думал, что я сплю, он назвал меня будущим монархом. Значит, хотя моя мать рабыня, мой отец император. А ты – ничтожество.

Генерал вскочил со свирепым видом, но потом решил, что Ань врёт нарочно, чтобы разозлить его.

– А ну спать! – прогремел Дун Янгхао, как будто командовал целой армии подъем. Ань упал на лавку и забился в угол, а генерал вышел на улицу, грохнув дверь.

9. Жрец в кувшине

Прошло два дня. Жрец не возвращался. Госпожа Лу жила у скорняка и полюбила всем в доме, так что дочь ревновала, когда гостя слишком долго разговаривала с матерью, а мать ревновала к дочери. Ань и генерал оба старались угодить красавице. Мальчик находил цветы и подкладывал на подоконник окна, рядом с которым госпожа Лу вышивала в компании дочери и жены скорняка. Гостя ласково улыбалась и отдавала цветы своим новым подругам. Ань не отчаивался и старался находить еще более красивые цветы. За обедом мальчик не сводил глаз с госпожи Лу, и Дун несколько раз толкнул его локтем, чтобы напомнить о приличиях.

На второй день после обеда генерал предложил госпоже Лу прогуляться по деревне, и она, к огорчению Аня, согласилась. Хозяйская дочь подарила госте одну из своих праздничных шляп. Теперь, когда госпожа Лу слегка наклоняла голову, были видны только ее мягкий, нежный подбородок и розовые, как лепестки пиона, губы. Генерал открыл калитку пошире, и молодая женщина вышла на дорогу.

Погода стояла чудесная: земля хорошо просохла после недавних дождей, но еще сохраняла достаточно свежести, и воздух был чистым и бодрящим, напоенным ароматами трав и цветов. Ласковый ветер с гор раздувал рукава ханьфу и играл с лентами в волосах госпожи Лу. Пройдя немного, женщина спросила:

– Мне показалось из разговоров, что вы и мальчик путешествуете не одни. С вами был еще достопочтенный жрец?

– Да, так и есть.

– Но где же он? Я не видела его ни вчера, ни сегодня.

– Он в лесу.

– Он молится там? – спросила госпожа Лу, и голос ее стал немного хриплым.

– Он хочет уговорить местного хранителя леса еще раз вырастить деревья, из которых можно было бы построить крепкий мост. Те деревья, что растут сейчас, не очень сильные. Мне кажется странным, что дух леса, который может вырастить такие гигантские стволы, не может должным образом следить за остальным лесом. Хотя я вообще не верил раньше во всех этих духов...

– Что же вас заставило поверить?

Генерал вспомнил о чудовище на постоялом дворе. От воспоминания закололо под ребрами. Дун нахмурился и предложил локоть госпоже Лу. Она приняла поддержку, и дальше они пошли рука об руку.

– Я столкнулся кое-с-чем, – ответил генерал. – Хорошо, что с нами был жрец.

– Похоже, вы дружны. Как его зовут?

И прежде чем успел подумать, генерал назвал полное имя жреца:

– Дзин Линмин.

– Давайте поищем в лесу. Возможно, он уже закончил молиться.

– Он вам не понравится, – угрюмо отозвался Дун. – Он зануда и бессердечный человек. Давайте лучше прогуляемся в другую сторону.

Но госпожа Лу хотела побывать в лесу, она пожаловалась, что солнце припекает слишком сильно, и ей хотелось бы отдохнуть в тенишке. Тогда генерал предложил понести красавицу, и она разрешила взять себя на спину, обвила шею генерала тонкими белыми руками. Дун вспомнил, что у жреца была такая же нежная кожа и заключил, что госпожа Лу была из благородной семьи.

Всю дорогу до леса молодая женщина напевала красивые мелодии и иногда рассказывала старинные стихи, что доказывало, что она получила прекрасное образование. В подлеске госпожа Лу попросила опустить ее, генерал послушался. Встав на землю, она ласково погладила

Дуна по щеке и сняла шляпу. Лицо молодой женщины было нежным, а взгляд открытым. Очарованный, генерал наклонился, и их губы соприкоснулись.

В следующее мгновение раздался треск веток – мужчина упал, как срезанный стебель. Госпожа Лу перешагнула через него и направилась к берегу. Там она довольно долго бродила, пока не нашла место, где ее встретил Ань. Подоткнув юбки, чтобы не намочить, женщина что-то искала и вскоре в ее руках было несколько черепков. Поискав еще немного, госпожа Лу подняла и отряхнула от грязи крышку. Довольная собой, женщина подпрыгнула и оказалась на вершине утеса, который нависал над рекой. Там она ссыпала черепки, поправила юбки и уселась поудбнее. Лу соединяла осколки и удерживала так, чтобы они не распадались. Это была трудная работа. Наконец, ей удалось, и как только последний черепок оказался на месте, швы вспыхнули и кувшин оказался целым. Лу закрыла его крышкой, встала, отряхнулась и со счастливой улыбкой направилась в лес.

Оказавшись под кронами деревьев, женщина снова откупорила кувшин и, не замедляя шаг, направилась к ей одной ведомой цели. Через некоторое время Лу вышла на большую поляну и увидела мужчину в зеленом одеянии. Он выглядел усталым и убирал в мешок инструменты для общения с духами. Женщина оценила все коротким взглядом и открыла рот, чтобы назвать имя жреца, однако застыла на месте. Рядом со смертным появился прекрасный мужчина в светло-зеленых одеждах, которые приходили в движение от малейшего ветерка. Это был дух-хранитель леса. Он увидел Лу, нахмурился. Жрец обернулся и посмотрел на них обоих – он видел сущностей, даже когда они этого не желали.

– Сестра, ты здесь? Как ты освободилась? – спросил хранитель.

– Какая разница. Отойди, мне нужен этот человек.

– Нет. – Дух леса вышел на середину поляны. – Ты опять хочешь поступать по-старому.

– А ты опять защищаешь этих никчемных людишек, которые рубят наши деревья и разбрасывают мусор!

– Как ты освободилась?

– Ты правда хочешь знать? Отдай мне этого человека, и больше ты меня не увидишь. Или ты опять собираешься запереть меня в кувшин на триста лет?

– Я заточил тебя, чтобы ты подумала над своим поведением. Боги хотели казнить тебя!

– И ты поступил милосердно?!

Госпожа Лу пришла в ярость, ее волосы взметнулись в воздух, а лицо стало жестоким, рот раскрылся, как алая бездна, а в глазах загорелся зеленый свет. Лу издала ужасный пронзительный звук и метнула зеленую молнию в духа леса. Он уклонился, но недостаточно быстро и был бы ранен, если бы внезапно не появилось зеркало и не отразило удар, перенаправив в чашу. Жрец защитил хранителя. Лу разозлилась еще сильнее, но вместо того, чтобы снова ударить молнией, она резко выкрикнула:

– Дзин Линмин, полезай в кувшин!

В то же мгновение невероятная сила схватила жреца и заволокла в сосуд, госпожа Лу с хохотом закрыла его крышкой, обратилась в ветер и исчезла, так что дух леса ничего не успел сделать. Огорченный, он понурил голову, но не предпринял попытки догнать сестру. Он сел на одно из поваленных деревьев и горько задумался о прошлом и настоящем. В лесу стало темно, мрачные тени заскользили между стволами, звуки заглохли, а животные, птицы и даже жуки и гусеницы замерли в смертельном страхе.

В то же время Ань, изнывая от ревности и досады, отправился на поиски генерала и прекрасной гостыи. Он спрашивал людей, и они подтверждали, что видели командира и прекрасную молодую женщину, что шли они рядом и вид у них был такой, будто они прекрасно ладят. Ань расстроился до слез и решил поквитаться с генералом при первой возможности, но сначала ему хотелось кому-то пожаловаться. Раньше он мог пробраться к матери и излить все

свои горести, и хотя она никогда ему не отвечала, он все же утешался ее присутствием. Теперь же Ань решил выговориться жрецу.

Мальчик вытер слезы и направился в лес. Но по мере того, как приближался, замедлял и замедлял шаг. Лес впереди изменился и теперь не казался светлым и безопасным, напротив, он выглядел как дремучая чаща, тени пролегали по подлеску и тянулись дальше. Ань совсем остановился и несколько секунд смотрел удивленно. Потом же он вспомнил, что в этом лесу молится жрец, и побежал во весь дух. В подлеске мальчик остановился, ощущение опасности удержало его.

– Достопочтенный жрец! – позвал Ань, приложив ладони к губам. – Достопочтенный жрец, ау!

Никто не ответил, только чаща загудела утробно, как будто просыпался огромный рассерженный зверь. Ань беспомощно огляделся и вдруг заметил что-то блестящее. Он удивился и двинулся на то место, подойдя же, упал на колени. Генерал из бережливости не доставал из сундуков своих парадных одеяний, поэтому, чтобы проводить госпожу Лу на прогулку, нацистил и надел свои доспехи. Теперь же доспехи и генерал лежали в грязи. Ань звал командира и тормозил, хватал и растирал холодные руки – напрасно. Перевернул на спину и бил по щекам – глаза генерала оставались закрытыми.

Размазывая грязь, Ань вытер слезы и потащил тело от леса. Голова Дуна безвольно болталась, падая то на бок, то на грудь. Отойдя на сотню шагов и убедившись, что темные тени сюда не дотягиваются, мальчик опустил командира на землю и стал расстегивать доспехи, чтобы послушать сердце. Туго затянутые пряжки не слушались, и Ань обломал ногти, подпиленные жрецом, и поранил пальцы. Наконец, он избавился от нагрудника, схватил генерала за одежду и с силой потряс. На самом деле, он должен был приложить ухо к груди, но не смог себя заставить: он боялся, что ничего не услышит. Заливаясь слезами, он умолял командира очнуться и не получал ответа. Он возвел глаза к небу, по которому шли черные облака. И тут вспомнил о своем покровителе. Мальчик вырвал несколько волосков там, где должен был быть золотой локон, и громко закричал:

– Сунь-У-Кун, мудрец, равный небу, помоги мне!

Несколько раз кричал Ань, и небо не отвечало ему, но затем появилось большое разноцветное облако, прорвалось посередине, из дырки на землю полетела золотая обезьяна в красных доспехах и ловко приземлилась рядом с Анем. Мальчик припал к земле, кланяясь.

– А, храбрая не-обезьяна! Не думал, что ты позовешь меня так быстро. Что у тебя случилось?

– Пожалуйста, мудрейший, пожалуйста! Я все готов отдать, только сделай так, чтобы генерал был жив.

– Какой генерал?

– Этот генерал.

Мальчик без конца кланялся, от чего на лбу образовалось грязное пятно. Царь обезьян цокнул языком и посмотрел на генерала:

– Этот бесполезный сын обезьяны? Да он и так живой. А ну, вставай, ленивая задница! Из-за тебя мой последователь плачет. А ну, поднялся, живо!

И Царь обезьян пнул генерала под ребра, и еще раз пнул. Ань испугался и хотел обнять командира, укрыть собой, но тот сам подскочил – они ударились лбами и зашипели, потирая шишки. Царь обезьян от души расхохотался.

– Зачем ты меня бил? – рассерженно спросил генерал у Аня. – И где госпожа Лу?

– Как хорошо, что вы живы!

– Эй, ты, невежда, – небрежно позвал Царь обезьян.

Только теперь Дун Янгхао заметил небожителя – побелел и упал ниц.

– То-то же. Не смей обижать этого ребенка. Он потратил свое желание, чтобы просить о твоей жизни. Но ты и так был живой. Так что у него все еще есть его желание. Так чего ты хочешь, храбрая не-обезьяна?

– Мой господин! Там, в лесу, молился жрец. Наш жрец.

– А... Тот, с косой, просветленный, да? Тц.... Да... На самом деле, он мне совсем не нравится, такой заносчивый. Всего 52, а так старательно служит этому задавале-дракону! Я гораздо сильнее этого дракона, он просто прячется под ногами Восточного Будды. Ну, да ладно. Раз задавала тебе дорог, я его верну. Только он... Не совсем он.

Больше ничего не объясняя, Царь обезьян присогнул колени, сделал глубокий вдох и стал всасывать воздух и раздуваться. Поднялся невообразимый ветер, ветки, листья, трава и даже камни стали взлетать, понеслись на Царя обезьян, но он выставил ладони вперед, и камни облетали его стороной. Ань и генерал, боясь, что их пришибет, прижались друг к другу и сели позади Мудреца. Вдруг в вихре ветра показалось удлиненное очертание, которое все больше напоминало человека. Фигура хотела убежать, но Царь обезьян тащил ее к себе, всасывая воздух, и, наконец, притянул к себе – вихри распались, и люди увидели растрепанную госпожу Лу, крепко прижимающую к себе кувшин.

– Ах ты, глупая обезьяна! – прорычала госпожа Лу, и генерал с Анем пораженно открыли рты и подняли брови.

– Маленький злобный дух, отдай нам жреца.

– А не то что?!

Тут госпожа Лу быстро открыла кувшин и хотела выпить содержимое, но Царь обезьян бросил посох – кувшин разбился вдребезги, на землю упал опешивший жрец. Госпожа Лу ухватила его за воротник, а Царь обезьян – за одежду на плече, и каждый тянул в свою сторону. Бедный жрец шатался между бессмертными, и лицо его становилось все краснее.

– Осторожнее! – закричал Ань. – Вы его задуете!

Царь обезьян коротко взглянул на жреца и дернул с удвоенной силой – одежда вырвалась из рук госпожи Лу, и слугитель Восточного дракона кубарем полетел к своим товарищам. Те подхватили его и крепко держали, пока дыхание его не восстановилось. Госпожа Лу попятилась и хотела превратиться в ветер и улететь, но Царь обезьян удержал ее за руку.

– Разве не тебя приговорили сидеть в кувшине пять сотен лет?

– Зачем спрашиваешь? Ты тот, кто стал бы меня защищать?

– Я сам сидел пять сотен лет в заточении и знаю, как это тяжело. И я бы стал тебя защищать, но ты была злая и жадная. Ты и теперь такая. Будь ты моей женой, я бы повесил тебя на воротах!

– Так не женись! Сунь-У-Кун, ты великий мудрец и бессмертный, тебе не понять моих страданий. Я всего лишь маленький дух, и человеческая ци – единственное, что может поддерживать мою красоту. А эти люди, зачем их жалеть? Разве не они губят лес и уничтожают все вокруг себя?

Царь обезьян задумался, потом посмотрел на госпожу Лу, и его красные глаза теперь не были ни смешливыми, ни свирепыми. Он погладил женщину по волосам и сказал:

– Люди удивляют. Боги и духи – это всего лишь то, к чему они предназначены: ты бережешь лес, Восточный дракон исполняет желания взамен на клятвы. А люди – они живые. Тебе не понять их метаний и порой они бывают жестокими, жадными, но они неповторимы тем, что у них всегда остается выбор. Вот этот мальчик, который был влюблен в тебя и хотел придушить генерала собственными руками, а после рыдал от всего сердца и умолял вернуть ему жизнь. Правда, он и так был жив. Вот этот мальчик, он мог бросить уже мертвого, как он думал, генерала и броситься в проклятый лес, чтобы спасти жреца, и погибнуть. Он же выбрал другой путь и попытался оживить генерала. Спроси его, почему он так поступил.

– Почему?

– Я не знаю, – удивился Ань. – Я не был уверен, что генерал умер. И не был уверен, что жрец еще в лесу. И лес казался очень странным. Я схватил генерала и потащил подальше от темных теней.

– Но разве не ты перед этим хотел убить генерала?

– Я бы не сделал этого на самом деле, – признался Ань. – Мне очень хотелось любви госпожи Лу... И я хотел, чтобы жрец любил меня, а не одного только генерала. Но я бы никогда не убил генерала.

– Почему?

– Потому... Потому что это неправильно. Генерал может защитить многих людей.

– Так что придется тебе снова залезть в кувшин и сидеть там еще двести лет, – заключил Царь обезьян и подмигнул госпоже Лу. Та зарычала и попыталась вырваться, бессмертный же поманил пальцем черепки, они поднялись и соединились – кувшин снова был целым.

– Какой непостоянный бог! – выкрикнула в отчаянье госпожа Лу. – Разве не ты меня освободил?

Мудрец и люди удивленно взглянули на нее, а она продолжала:

– Разве не ты разбил кувшин, когда сражался с королем Троллей? И разве не я вызвала ветер, который помог тебе?

– Кувшин случайно разбился. Такое бывает во время драки, – возразил Царь обезьян и тут же дернул госпожу Лу, поднял высоко над землей и затолкал в кувшин, плюнул, и печать залепила горлышко вместо пробки. Затем мудрец размахнулся и запустил кувшином в сторону леса – Ань испуганно вскрикнул, а сосуд превратился в маленькую точку и пропал в чаще. Царь обезьян отряхнул руки, подбоченился и проговорил:

– Держи крепко и стереги лучше. В следующий раз я не буду таким добрым.

Слова предназначались хранителю леса. Люди не слышали, ответил дух или нет, но тени перестали ползти по земле, рассеялись, а лес снова стал светлым и уютным. Мудрец повернулся к людям с безмятежной улыбкой и оглядел их.

– Господин, может быть, вы помогли бы нам с мостом? – проговорил жрец слабым голосом. Он все еще не отошел от заточения в кувшин, удушения и полета кубарем – сидел, безвольно опустив руки и опираясь спиной на генерала.

– Каким мостом? Нормальный мост, по-моему! – расхохотался Царь обезьян, подпрыгнул высоко, превратился в сияющую звезду и исчез.

Люди, шатаясь и поддерживая друг друга, поднялись на ноги и посмотрели в ту сторону, где раньше была переправа. Через реку, шире и выше ее берегов, раскинулся черный мост из толстых бревен, перила и опоры украшали золотые бляхи – подойдя ближе, люди увидели, что там изображены обезьяны, – и золотые фигуры в рост человека.

– Как я и говорил, Царь обезьян – могущественный покровитель, – сказал жрец Аню. Мальчик не мог оторвать взгляда от моста, взявшегося ниоткуда. – Пусть и не поддерживаемый большинством, но сильный, мудрый и справедливый. Никто не смог одолеть его, и только Восточный Будда смог заточить его на пять сотен лет, чтобы в его сердце уменьшилась гордыня и зародилась доброта. Хороший покровитель для будущего монарха.

От этих слов генерал отшатнулся — жрец потерял равновесие и упал. Ань тут же бросился ему помогать.

– Ты не шутишь? Этот оборванец – будущий им.. имп... ператор?

– Я не шучу, – отозвался жрец, потирая ушибленный копчик. – Я думаю, вы оба должны понять, какая ответственность лежит на нас. Ань – сын второго из сыновей императора, плод любви второго сына и благородной девушки, ставшей рабыней в силу случайных обстоятельств. Он единственный законный наследник престола. И, пожалуйста, больше не связывайтесь с непонятными женщинами и не пытайтесь убить друг друга. Вы оба – будущее нашего государства.

– И я?

– Как ты думаешь, многим ли сможет доверять Ань, когда взойдет на престол? Кто, как не ты, должен будешь возглавить армию или личную охрану молодого императора? Думайте об этом с уважением и отныне не позволяйте ни духам, ни людям, ни собственным страстям поспорить вас... или подвергнуть вашу жизнь опасности.

– Почему ты сразу не сказал?

– Мне запретили. Но я думаю, что дальше молчать нельзя.

– Я не справлюсь, – подал голос Ань.

– Ты уже справляешься, – возразил жрец и заковылял в сторону деревни. Генерал и Ань посмотрели друг на друга оценивающе, и пошли следом. Генерал вспомнил о своих побитых ребрах и потирал их. Ань вспомнил о генеральских доспехах, подобрал и нес под мышкой.

10. Прибытие в столицу

Дальнейшее путешествие прошло без особых происшествий. Жрец продолжал распрямлять спину Аня и размягчать пальцы, мальчик усердно учился письму, чтению и обращению с мечом, генерал был терпеливым учителем, а по вечерам ложился рядом с жрецом, закинув руки за голову, смотрел в небо и слушал рассказы о богах и мудрецах, которые в детстве вгоняли в дремоту, а теперь наполнились смыслом. Так они мирно продвигались, оставляя позади долгий путь и горячее лето. Подули первые холодные ветры, и ночи стали прохладными. Повозка с красными кистями приблизилась к столице.

Неожиданно Ань запаниковал, и жрецу пришлось привязать его к своей руке, чтобы ночью мальчик не сбежал.

Повозка подъехала к высокой каменной стене и огромным воротам с башней наверху. Из башни выглядывали кончики стрел, готовые навести порядок, если начнется давка или появится враг. Солдаты генерала растолкали толпу и предъявили начальнику ворот проездные документы и генеральскую печать. Стражники разогнали людей и пропустили повозку с красными кистями.

Предмесья столицы почти не отличались от городков и деревень, которые они проезжали по пути из дальней усадьбы: сначала шли рыночные площади, потом склады, казармы, а за ними множество невзрачных домишек, крытых соломой и лепившихся друг к другу так тесно, что между иными не смог бы протиснуться ребенок. После начались дома с воротами и вывесками, из их квадратных дворов доносились возня детей, крики слуг и кудахтанье кур. Так выглядел центр всех городов, которые увидел Ань за время путешествия. Но в столице это был всего лишь мещанский квартал. За ним начинался торговый район и район увеселений, дальше стояли дома богатых торговцев, похожие на сказочные дворцы, а за ними – настоящие дворцы, в которых жили аристократы. Но и эти постройки не могли равняться величием и красотой с императорским дворцом.

Ань мелко дрожал от страха, но не мог заставить себя отвернуться. Он прильнул к краю окна и оттянул штору, чтобы видеть неотразимое великолепие, открывающееся с каждой новой минутой. Дворцы были окрашены в яркие цвета, надписи на них были сделаны золотом, а вдоль крыш висели и качались на ветру бесконечные гирлянды фонарей. Ань представил, как живописен город ночью, когда эти фонари зажигают, и клацнул зубами.

Между тем, повозка остановилась, к ней подбежал человек с драконом, вышитым на груди. Жрец Дзин выглянул наружу, чтобы узнать, в чем дело. Им приказывали остановиться и ждать. Солдат загнал повозку в тупик, чтобы не загораживать дорогу и не стоять на солнце.

– Чего мы ждем? – спросил Ань.

В повозку забрался генерал Дун и ответил вместо жреца:

– Приказ из дворца. Тебя пересадят в другую повозку. А жрец поедет следом в этой. Я буду сопровождать тебя верхом... Если мне успеют доставить коня, конечно.

– Чем плох твой нынешний конь? – немного удивился Дзин.

– Уставший и пыльный. Думаю, они успеют.

– Как они так быстро узнали, что мы приехали? – спросил Ань и ковырнул заусенец – жрец перехватил его пальцы и подержал в ладонях.

– Голуби, – ответил генерал, покосившись на руки мальчика и Дзина, поерзал, устраиваясь на скамье поудобнее.

Жрец отпустил пальцы Аня и выпрямился.

– Не переживай. Генерал будет приезжать на доклады. А я служу при дворце, меня ты сможешь отыскать в любое свободное время. Мы останемся с тобой неподалеку.

Ань кивнул, потом спросил:

- А если я не понравлюсь дедушке?
- Ты похож на его сына. Ты ему понравишься.
- Правда похож?
- Скажу честно, ты взял его лучшие черты, оставив все остальное.

Чтобы отвлечь мальчика, жрец стал рассказывать о столичных обычаях и о том, какую здесь подают еду. Генерал оживился и стал делиться своим опытом, правда, оказалось, он знал меню только публичных домов и некоторых питейных заведений, где он со своим заместителем часто коротал холостяцкие вечера.

- Надеюсь, тебе уже подобрали жену, – хмыкнул жрец.
- Надеюсь, она хотя бы в половину красива, как ты.

Друзья улыбнулись старой шутке и продолжили рассказывать о столице и дворце. Время прошло незаметно, застучали копыта, и слуга с драконом на груди попросил мальчика перейти в другую повозку. Как только Ань ступил на землю, ему на голову надели широкую шляпу с вуалью. Мальчик притворился, что не удивлен, и вышел из тупика.

Повозка, которая предназначалась ему, была такой богатой, что у Аня заболели глаза. Запряжена она была шестью белоснежными лошадьми, а вокруг стоял целый эскорт солдат с драконами на стягах. Сглотнув, мальчик сел в роскошную повозку, возница щелкнул хлыстом, и процессия двинулась вперед. Теперь, когда Ань проезжал, люди низко кланялись и отступали. На несколько мгновений мальчик почувствовал себя одиноким, но, обернувшись, увидел генерала верхом на прекрасном гнедом жеребце и пыльную повозку с красными кистями, в которой ехал жрец, – на сердце стало веселее.

Императорский дворец представлял собой город внутри города. Внешний периметр состоял из департаментов, в некоторые из них, например, департамент наказаний и духовный, можно было зайти через служебные калитки, предъявив допуск. А его могли купить или получить только самые уважаемые жители столицы и крупных городов. Ань сцепил пальцы до белых костяшек, чтобы не ковырять заусенцы, и забыл дышать. Мальчик был так захвачен, что не заметил, как повозка замедлилась, а жрец Дзин и генерал Дун спешились и пошли по бокам.

Они приблизились к воротам, которые охраняла, как показалось Аню, небольшая армия. Слуга с драконом на груди дал разъяснения, и повозку пропустили. По широкой аллее, вдоль которой росли персиковые деревья, прибывшие добрались до высокой лестницы, за которой были еще одни ворота – их тоже охраняла небольшая армия. Здесь повозка остановилась. Слуга пригласил Аня выходить – мальчик закрыл вуалью лицо, спустился по выдвижной лесенке и заставил себя выпрямиться. От страха его мутило, а колени подгибались.

Через некоторое время из ворот вышел сановник в тиаре с бусами: нитей было девять. Ань поклонился, а сановник долго разглядывал его, затем развернулся и ушел. Тогда Дзин и Дун встали по бокам мальчика: жрец чуть впереди, генерал чуть позади, – и втроем, окруженные солдатами, они двинулись вверх по ступеням.

Мальчик несколько раз останавливался, чтобы передохнуть, генерал Дун недовольно хмурился, жрец Дзин понимающе кивал. Наконец, они достигли верхней площадки и прошли сквозь ворота. Однако это не был вход во дворец. Большинство стражников остались снаружи, только шесть офицеров продолжали идти. Уменьшившаяся процессия двигалась по аллее, окруженной низкими стенами, за которыми шумели деревья. Трижды аллею перегораживали ворота. И только через полчаса Ань увидел крыльцо с десятью ступенями и сам дворец. Он был потрясающим, и жрец легонько поднял отвисшую челюсть мальчика.

По лестнице сбежал офицер и поклонился, приветствуя генерала Дуна и генерала дворцовой стражи. Эти двое выступили вперед, за ними встали жрец Дзин и Ань. Только четыре человека поднялись по десяти ступеням и вошли во внутренний дворец.

Идя по коридорам с каменными полами, генералы вновь перестроились: теперь Дун Янг-хао шел впереди, а генерал дворцовой стражи – позади. Оба они были сосредоточенными, как будто ждали нападения.

Слуги приветствовали прибывших. Ань заметил, что многие склоняются только тогда, когда ловят взгляд Дзина. Мальчик подумал и догадался, что жрец занимает гораздо более высокое положение, чем генерал. Из-за ширм и ваз с деревьями на процессию смотрели множество людей в богатой одежде, Ань успевал их заметить раньше, чем они прятались. Это были придворные и чиновники, которым было запрещено смотреть на прибывших, но которые сгорали от любопытства. Далеко не каждый день в столицу привозили кого-то на повозке с красными кистями, под защитой второго жреца империи и в вуали.

Процессия приблизилась к золотым дверям. Два генерала встали у колец и потянули за них. Жрец и Ань шагнули через порог, и створки сомкнулись за ними. В конце огромного светлого зала, на золотом троне восседал старик в пурпурной одежде, в тиаре с двенадцатью подвесками. Это был император. Ань и жрец опустились ниц.

– Лишнее, – сказал старик, и эхо донесло его тихий голос до путников. – Встань и подойди, я хочу тебя рассмотреть.

Ань, дрожа, приблизился к трону. Император спустился по трем ступеням и внимательно посмотрел на мальчика через вуаль, затем обошел вокруг и жестом приказал открыть лицо. Ань не сразу справился с узлом, стянул шляпу, уронил и забыл поднять.

– Твоя спина круглая, – заметил император, – руки грубые и покрыты мозолями, лицо смугло, а в волосах что-то застряло.

Ань потупился: спорить ему было не с чем. Император велел приблизиться жрецу и спросил капризным тоном:

– Разве это похоже на моего внука?

– Этот локон, ваше величество, подарил ему лично Царь обезьян. Я не знаю, какое еще доказательство духовных качеств этого отрока я мог бы предоставить.

– Мудрец-покровитель черни?

– С чьей силой может сравниться лишь царственное могущество Восточного Будды, – поклонился жрец.

Император задумался и снова обошел мальчика по кругу и неожиданно с силой ударил веером между лопатками – Ань вытянулся, но не издал ни звука.

– Он горбатый, – недовольно повторил Его Величество.

– Вы правы, – жрец сменил тон с уважительного на равнодушный. – Куда годится такой внук. Он может стать разве что моим учеником. Конечно, у вашего величества должен быть более достойный наследник, гораздо больше похожий на одного из принцев.

Ань побелел и покосился на жреца как на умалишенного, однако император не разгневался, а бросил сварливый взгляд, поджал губы, как обиженная женщина, затем еще раз обошел мальчика по кругу.

– Он вылитый мой сын в отрочестве. Как бы я мог не признать свою кровь? Но почему он так ужасен?

– Никто не знал, чей он сын, и с ним обращались как с сыном блудливой рабыни. Что я мог бы добавить? Стоит ли описывать, как обходились с этим мальчиком всю его тяжелую жизнь?

Император сел на трон и наклонил голову налево, потом направо, наконец, хлопнул веером по подлокотнику и объявил:

– Его нужно всему обучить. Ты также обучишь его своим тайным знаниям и научишь избегать ядов. – Жрец поклонился, не споря, хотя никакого тайного знания насчет ядов у него не было.

– Слушаюсь ваше величество!

- А что молодой генерал? Как он себя показал?
- Превосходно. Особенно в сражении против троллей.
- Позже я хочу все услышать.
- Да, ваше величество.

Император отпустил внука и жреца, но окликнул у самого выхода:

- Жрец! А не оказался ли и этот солдат мужеложцем, а?
- Он полон горячего желания жениться, ваше величество.
- Вот и славно.

Когда они вышли и тяжелые двери закрылись, из Аня будто вынули позвоночник, он оперся на плечо жреца. Генерал Дун с тревогой посмотрел на них, но не решился задать вопрос. Дзин понял его мысли и утвердительно качнул головой – генерал облегченно выдохнул и одобритительно кивнул Аню.

11. Покои жреца

Жрец пригласил Аня и генерала Дуна к себе домой: при дворце располагался духовный департамент, в котором жили царские заклинатели и жрецы, в основном, изучавшие философию и производившие амулеты от сглаза и болезней. У жреца Дзина была особая задача. По своей работе он часто виделся с палачом и посещал застенки: он отвечал за упокоение умерших. Поскольку сановные особы умирали во дворце не так часто, то жрецу поручили заботиться о солдатах, рабах, слугах и заключенных, а также разрешили принимать заказы на поминальные и похоронные обряды от горожан. Поскольку это была тяжелая работа, которую не хотели исполнять другие жрецы, а Дзин исполнял прилежно и лучшим образом, он попросил себе личные комнаты, и верховный жрец согласился.

Поместье жреца было небольшим, но изолированным от других помещений духовного департамента. Одна из комнат предназначалась для сушки трав, приготовления снадобий и амулетов. Еще одну жрец использовал для каллиграфии, молитв, медитаций и сна, а также для переодеваний. Третья представляла собой приемный покой, где жрец разговаривал с просителями, которых не принял верховный жрец и которые надеялись на более мягкий характер его ученика. Здесь же размещалась трапезная. Под окнами своих комнат жрецу разрешили разбить клумбы с целебными травами.

– Тесновато тут у тебя, – заметил генерал Дун, усаживаясь на изящный стул с тонкими ножками в приемной. – А где золотые статуи и прочие атрибуты смирения?

– Не обзавелся, – улыбнулся Дзин и закрыл двери на засов. – Я должен скорее переодеться, а вы отдыхайте.

Генерал лукаво сощурился, но жрец строго качнул головой и вышел. Прошло не больше пятнадцати минут, как Дзин умылся, переоделся в свежее и переплел косу. Тем временем Ань обнаружил прибор для заваривания чая, а Дун Янгхао принес воду. Теперь они наслаждались ароматным паром, устроившись на мягком диване и любуясь персиковым садом за окном. Жрец присоединился к ним, генерал оглядел его новую одежду и спросил:

– Ты не на праздник ли собрался?

– Верховный жрец или император – один из них непременно захочет меня видеть, не откладывая. У них, должно быть, много вопросов.

И в самом деле – не успел Дзин допить первую чашку чая, как в дверь постучали и слуга передал высочайшее повеление явиться в покои Его Величества. Ань тихо спросил у Дуна: уж не ясновидящий ли жрец. Генерал не знал. Они допили чай, убрали прибор, и понемногу стали понимать, что голодны. Однако покои – не то же, что отдельный дом. Чтобы получить еду, нужно было договариваться, чтобы их покормили вместе с придворными чиновниками. Однако Ань был никому не известен, ему могли отказать, несмотря на покровительство генерала. Поэтому Дун написал записку жрецу, взял мальчика и пошел с ним в город.

Там они расположились в харчевне, ели, пили, слушали музыку и смотрели на женщин до вечера. Ань почувствовал себя свободнее – ему начинала нравиться жизнь аристократа. Он так увлекся, что пропустил мимо ушей все наставления генерала: об учебе, фехтовании, государственном экзамене и манерах. Дун Янгхао махнул рукой и тоже перестал думать о заботах. После долгого путешествия и скучных деревень было радостно и весело окунуться в суетливую и яркую жизнь столицы.

Позже, возвращаясь в покои Дзина, Ань и генерал распевали песни, услышанные в харчевне, держались в обнимку, как старые друзья, и были беспечны, как птицы весной. На одном из перекрестков генерал и мальчик стали спорить: Дун предлагал поехать в его дом, отдохнуть как следует и утром пойти во дворец, Ань, который выпил гораздо меньше вина, настаивал идти к жрецу. Наконец, генерал согласился, и они пошли ко дворцу. За квартал до боковых

ворот Дун Янгхао перестал петь, поправил одежду и пошел четким шагом, как будто не он только что вел себя как затрапезный выпивоха. Ань тоже опомнился, сгорбился, как полагалось рабу, опустил глаза и засеменил позади покровителя. Так они вошли в боковую калитку, на территорию жрецов. В саду их встретил Дзин, вид у него был встревоженный, а в руках он держал шест с фонарем.

– Где Ань? – спросил жрец.

Дун обернулся, и лицо его перекошило, а Дзин прикрыл ладонью глаза.

– Мальчик мой, – сказал он мягким голосом, – разве ты забыл, кто твой отец и каково твое будущее?

Ань вспомнил, покраснел от стыда, а от этого сгорбился еще сильнее и снова стал похож на собаку, только с гладкой ухоженной шерстью. Жрец вздохнул, а генерал рассердился и замахнулся – Дзин удержал его руку и посмотрел многозначительно.

– Ваше высочество, – пробубнил через губу Дун Янгхао, и жрец широко улыбнулся. От его улыбки генералу сразу стало легче на сердце, и Ань тоже повеселел. Все трое переглянулись как заговорщики и направились в покои жреца.

– Похоже, вы хорошо провели день?

– Неплохо. А ты чем занимался?

– Я был во дворце, рассказывал Его Величеству о нашем путешествии, об удивительных событиях, в которых нам довелось участвовать, а также о достоинствах юного Аня.

– Что с ним будет дальше?

– Пока что он будет считаться незаконнорожденным сыном аристократа и моим учеником. Я буду учить его письму и чтению, а ты – боевому искусству.

– Я?

– Да. Через год Ань должен будет сдать экзамен.

– Как я и говорил!

– Если он его провалит, нас с тобой казнят.

Генерал застыл как вкопанный, Ань побледнел и выкатил испуганные глаза. Жрец оставался спокоен. Он мягко улыбнулся и сказал:

– Всё в порядке, я уверен, что Ань справится.

– А если нет? – пролепетал мальчик.

– «Если» придется забыть. Мне жаль, но отныне твоя жизнь не принадлежит только тебе. Отныне она неразрывно связана с жизнью империи. Пройдемте в дом, нам многое нужно обсудить.

– Давай-ка утром! – потребовал Дун Янгхао и потер горло. – Ты и так огорошил меня сверх всякой меры!

– Хорошо. Надеюсь, вы захватили мне еды из харчевни?

Генерал и Ань виновато отвели взгляд, и лицо жреца потеряло свою обычную доброжелательность. То же мрачное выражение сохранялось, пока жрец вынимал из шкафов и размещал на столе сушеные абрикосы и сухари. Дун Янгхао сбегал за слугой и приказал принести рис и салат. Эти блюда, теплые и ароматные, оказавшись на столе, мгновенно вернули генералу и мальчику их доброго заботливого жреца.

Ночь прошла тихо, поскольку все были утомлены новыми впечатлениями и быстро уснули. Утром их разбудил колокол, призывавший к молитве. Пока Ань и генерал ворчали и терли глаза, жрец накинул халат, одним пинком скатал свою постель и опустился на колени перед алтарем, чтобы разжечь благовония и вознести молитвы Будде и Восточному дракону. Дун встал вторым, а последним добрался до молитвы Ань. Он так долго скатывал матрац и одевался, что успел прочесть только один стих, как колокол смолк и жрец встал. Молитва была окончена. Дун Янгхао сладко потянулся.

– Да, я вижу, что у тебя все зубы здоровы, – заметил Дзин, но генерал не смутился:

– Просто у тебя слишком тесно. Почему ты не потребуешь комнаты побольше? Ты второй жрец после верховного и его преемник.

– Мне хватает места.

– Тогда не жалуйся, – хохотнул генерал и похлопал жреца мягкой ладонью по голове. Дзин сморщил нос и чихнул, а потом выпроводил гостей, чтобы облачиться.

– Нам вообще-то тоже надо одеться, – проворчал генерал Дун.

– Вам некуда торопиться, а мне нужно зайти на службу, – отозвался жрец невозмутимо. Закончив, он предстал перед товарищами в таком богатом уборе, что можно было принять его за принца, если бы не зеленый цвет одеяний и тугая коса, лежащая на плече. Генерал присвистнул и потер губы. Ань восхищенно оглядел наряд: таких красивых он не видел даже на самых богатых женщинах в усадьбе, где жил раньше. Дзин взял веер с одного из столиков, поклонился алтарю с серебряным драконом и вышел, не оценив восхищения.

– Какой он все-таки красивый, – вздохнул Ань. – А у меня будут такие одежды?

Дун Янгхао не ответил, он неотрывно смотрел на закрывшуюся дверь. Генералу окончательно расхотелось жениться, а договор о том, что он держит свои страсти под контролем, ощущался как нож, приставленный к этим самым страстям. Дун почесал место, которому грозила расправа, похлопал себя по плечам и решил, что сейчас просто необходимо кого-нибудь побить. Поэтому он велел Аню идти в сад для тренировки. Он заставлял мальчика бесчисленное число раз приседать, отжиматься, поднимать торс из положения лежа, наклоняться, поднимать колени, бегать и махать палкой, пока Ань не свалился без сил, весь мокрый от пота и глубоко несчастный.

– Ладно... Ты такой слабенький, что пока хватит, – произнес генерал. – Теперь иди в дом, а я прикажу принести завтрак.

Когда же завтрак принесли и накрыли стол, Ань был таким измученным, что не смог держать палочки. Он хотел есть рис руками, но Дун выбил чашку из его рук. Она пролетела по широкой дуге и ударилась обо что-то мягкое. Генерал и Ань повернули головы: Дзин стоял у дверей, держа пустую чашку, рис белыми клубочками рассыпался по малахитово-зеленому платью и черным волосам.

– Удивительная благодарность за мое гостеприимство, – холодно констатировал жрец.

Ань хрюкнул и зажал рот руками, чтобы не рассмеяться в голос. Генерал, наоборот, подскочил и стал отряхивать рис, но только размазал мягкие зерна, так что платье было безнадежно испорчено. Видя это, Янгхао пришел в отчаянье, затем в ярость и хотел накричать на мальчика, но жрец схватил генерала за запястье и удержал с неожиданной силой.

– Это твоя вина, генерал. Ты возьмешь мою одежду и вернешь через день чистую и сухую. Иначе ты больше никогда не переступишь порог моего дома.

Сказав, это, второй жрец вышел в смежную комнату и с шумом закрыл дверь. Его не было некоторое время, затем Дзин вернулся, облаченный едва ли лучше деревенского заклинателя, и вручил генералу куль с испачканным нарядом. После этого жрец обнаружил, что ему принесли рис, но он остыл, а Ань все еще голоден и так изможден, что уснул сидя. Не глядя на Дуна Янгхао, жрец разбудил мальчика и стал кормить со своих палочек. Генерал сидел, пунцовый от сдерживаемой досады, и наблюдал, как плавно двигается рука жреца, сложенная в изящную лодочку, и с каким вниманием он смотрит на жующего Аня.

12. Деревянная спина

После не совсем благополучного завтрака жрец и генерал стали обсуждать дальнейшие действия. Нужно было составить расписание занятий, также учесть, что дворец полон недоброжелателей, самые опасные из них – вдовствующая невестка и пять дочерей императора. Ань долго слушал, ничего не говоря, и постепенно впадал в уныние. Теперь ему казались беззаботными дни, проведенные в дальней усадьбе, хотя его часто пороли и не держали за человека, а мать не отзывалась, что бы он ни говорил. Все же там были поля и лес, закоулки и задворки, где можно было прятаться от работы и розг и неожиданно выпрыгивать, пугая служанок.

Для экзамена нужно было научиться читать и писать около двух тысяч иероглифов, запомнить историю рода, историю страны, размещение кланов, сопредельных царств и их отношения друг с другом и с империей. А также – главные реки, горы и местности империи. При этом мальчик должен был стать воином, равным генералу, и красавцем, превосходящим жреца.

– Пока они не знают, чей он сын, ему не грозит опасность, – предположил генерал, пока Ань, повесив голову, ковырял рукав и выдергивал нитки.

– Понимаешь ли, мы привезли его на императорской повозке и позже его встретил почетный караул. По дворцу поползли слухи, и это меня тревожит.

– Ань! – громко позвал генерал. Мальчик вздрогнул и поднял испуганные глаза. – Запомни, ешь только вместе со мной или жрецом. Понял? Последнего принца отравили!

– Его отравили не едой. Ему застелили постель отравленными простынями. Слуга, застилавший постель, также скончался.

– И спи только у жреца, – заключил генерал. Ань упал ниц и взмолился:

– Отпустите меня, какой из меня принц!

– Никакой, – согласился жрец. – Даже не мечтай об этом. Ты – мой ученик. А дальнейшее в воле императора и Небес.

Ань был сильно напуган, но жрец и генерал обещали ему, что будут рядом и не позволят причинить вред. Мальчик немного успокоился, но боязливо поглядывал на окна. С улицы доносилась какая-то возня и как-будто заговорщицкий шепот.

– Вот твой первый урок, – сказал генерал. – Ты должен смотреть в глаза своему страху. Мы все однажды умрем, поэтому нет смысла бояться. Иди и посмотри в окна. Иди!

Жрец возмущенно взглянул на генерала, но тот был непреклонен. Ань вяло, как слизняк, поплелся, потом долго стоял, прижавшись к стене. Генерал презрительно усмехался, а жрец с широко раскрыл глаза и подался вперед, готовый сорваться и высунуться в окно, лишь бы мальчику не грозила опасность. Ань глубоко вдохнул. ... Схватил блестящий поднос и выплянул наружу через отражение. Какие-то девушки воровали траву на клумбе жреца. Ань закричал и чуть не вывалился из окна, требуя, чтобы они немедленно прекратили. Девушки испугались, завизжали и скрылись в саду. Генерал захохотал, жрец сдержанно и облегченно улыбнулся. Оба они признали, что мальчик не только отважен, но и находчив, хотя, пожалуй, бывает слишком громким.

После урока храбрости жрец велел Аню раздеться – пора было заняться осанкой – и достал мази.

– Нет, не на пол, – пояснил Дзин. – Раскатай тюфяк.

Ань кивнул и улегся на постель. Жец растер и размял его спину, чтобы мышцы и связки разогрелись. Генерал заметил, что тоже не против массажа.

– Хорошо, – бросил жрец. – Но потом не жалуйся.

Генерал снял куртку и рубашку и лег рядом с Анем, на свой тюфяк.

– Кстати, почему у тебя нет кровати, а только тюфяки?

– Они занимают меньше места.

– Все-таки ты слишком скромный.

– Скромность украшение жреца, – продекламировал Дзин, накрыл мальчика теплым одеялом и занялся спиной генерала. Сначала он круговыми движениями нанес масло, затем мазь – коже стало тепло, потом жарко, потом стало щипать и колоть. Жрец приступил к массажу – крепкие тонкие пальцы впечатывались в каждый мускул, и через две минуты такой процедуры Дун Янгхао закричал, зашипел и хотел сбежать, но ему не позволили. Мучение продолжалось еще некоторое время, прежде чем жрец перешел на мягкие круговые движения и постукивания. Дун Янгхао расслабился и задремал. Очнувшись он от дикого вопля – вскочил, схватился за бедро, где обычно висел меч, и зарычал:

– А ну стоять!

В комнате не было посторонних. Кричал Ань, которому к спине привязали крест. Жрец тянул за ремни и прижимал сутулые плечи к горизонтальной перекладине.

– Что ты орешь? – возмутился генерал и хотел сплюнуть, но вовремя вспомнил, где находится, и потер губы. – Неужели больнее, чем этот чертов массаж?

– К сожалению, больнее, – ответил за мальчика жрец. – Мы не просто распрямляем позвоночник, но еще отводим плечи и ставим на место лопатки. Я ходил в этом год, и могу тебе точно сказать – это пытка.

– Ты? – удивился генерал, а Ань, который расплакался сразу после крика, вытер нос и повернул голову, насколько позволял корсет.

– Я ведь говорил, мой отец был простым егерем. У меня не было ни осанки, ни образования. Знаниям я выучился, но осанка меня не волновала. Однако второй учитель забрал меня во дворец. Моя сутулая спина оскорбляла бы взгляд царственных вельмож и чиновников. Поэтому...

– Ты не мог быть горбатым! – запротестовал Дун Янгхао, и Дзин покачал головой:

– Я вовсе не идеален, как тебе кажется. Когда ты очнешься и увидишь, что я обычный человек, да еще совсем не молодой?

– Мне тоже ходить целый год? – плаксиво спросил Ань.

– Каждый день по четыре часа, мой мальчик.

Ань содрогнулся – перекладина еще больнее надела на лопатки, мальчик всхлипнул.

– Не жалея себя. – Жрец ласково погладил его по голове. – Ты сражался с троллями, преодолел чары злого духа, и только вспомни, сколько ты вычистил лестниц и как больно тебя порол господин Хо. Ты очень сильный. И в конце ты станешь статным, как сам Царь обезьян. У него ведь тоже не всегда была такая осанка. Когда-то он был горбатым, как большинство обезьян.

– Правда?

– М. Поэтому думай о том, как будет здорово после всего.

– Все равно больно.

– Боюсь, это еще не все, – признал жрец, и Ань задрожал. – Сейчас мы будем учиться писать с ровной спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.